

Рудольф Штейнер

Порог духовного мира

Афористичные рассмотрения

Die Schwelle der geistigen Welt
Aphoristische Ausführungen

GA 17

Публикация основывается на издании:
«Путь к самопознанию человека. В восьми медитациях.
Порог духовного мира. Афористические рассуждения».
Ереван, «Ной», 1991 (переводчик книги неизвестен;
перевод послесловия — М.О. Оганесян)

К данной публикации редакция текста осуществлена
(с полной сверкой с текстом немецкого издания)
Александром Конвиссером и Алексеем Жиловым


Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2019

bdn-steiner.ru

Содержание

Вступительные замечания	2
О доверии, которое можно иметь к мышлению, и о сущности мыслящей души. О медитировании	3
О познании духовного мира	6
Об эфирном теле человека и об элементарном мире	9
Обзор предыдущего	12
О повторных земных жизнях и о карме. Об астральном теле человека и о духовном мире. Об ариманических существах	13
Об астральном теле и о люциферических существах. О сущности эфирного тела	17
Обзор предыдущего	20
О «Страже порога» и о некоторых особенностях сверхчувственного сознания	21
О чувстве «Я» и способности человеческой души к любви и об их отношениях к элементарному миру	25
О границе между чувственным миром и сверхчувственными мирами	29
О существах миров духа	31
О духовных мировых существах	34
О первом зачатке физического тела человека	37
Об «истинном Я» человека	39
Обзор некоторых частей предыдущего	42
Замечания об отношении описанного в этой книге к представленному в моих «Теософии» и «Тайноведении»	43
Послесловие к новому изданию (1918)	45

Вступительные замечания

В этой книге даются в афористичной форме некоторые описания тех частей мира и человеческого существа, которые становятся зримыми, когда духовное познание переступает границу, отделяющую чувственный мир от мира духа. Здесь не преследуется достижение систематичности в изложении или какой-либо полноты, но лишь представлена попытка свободным образом описать некоторые духовные переживания. В этом отношении данная книга, так же как и выпущенный в прошлом году «Путь к самопознанию человека», должна служить дополнением и расширением других моих сочинений. Однако и в этой книге предпринята попытка дать такое изложение, чтобы её можно было читать самоё по себе, независимо от знакомства с другими сочинениями.

Кто действительно хочет проникнуть в познания, сообщаемые духовной наукой, тот ощутит необходимость постоянно рассматривать духовную область жизни с новых сторон. Вполне естественно, что *каждому*¹ такому изложению присуща односторонность. При описании духовной области это ещё более неизбежно, чем при описании чувственного мира. Поэтому человек, довольствующийся полученным однажды описанием, не имеет действительно серьёзного стремления к духовному познанию. Книгами, подобными этой, я хотел бы послужить тем, кто таким образом серьёзно относится к своему исканию познания духовного мира. Поэтому духовные факты, описанные в моих книгах с определённых точек зрения, я всегда пытаюсь снова излагать с других точек зрения. Такого рода изложения дополняют друг друга подобно сделанным с различных точек в пространстве изображениям какого-нибудь лица или события.

Каждое такое описание, сделанное с определённой точки зрения, даёт повод сообщить сведения, которые не могут вскрыться при другой точке зрения. Для того, кто сам стремится к духовному созерцанию, в этой книге даются опять-таки точки опоры и материал для медитации. Те, кто будут искать таких точек опоры для соответствующего применения их в душевной жизни, заметят это.

Мюнхен, август 1913

Рудольф Штейнер

¹ Здесь и далее в тексте выделение слов курсивом полностью соответствует немецкому изданию книги.
— *Прим. ред.*

О доверии, которое можно иметь к мышлению,
и о сущности мыслящей души.
О медитировании

Человеческое мышление для бодрственного дневного сознания есть как бы остров среди потоков душевной жизни, протекающей во впечатлениях, ощущениях, чувствах и т. д. Человек до известной степени справился с впечатлением или ощущением, когда он их понял, то есть когда он составил мысль, освещающую данное впечатление или ощущение. Даже в буре страстей и аффектов может наступить известный покой, когда корабль души пробьётся к острову мышления.

Душа имеет естественное доверие к мышлению. Она чувствует, что должна была бы утратить в жизни всякую уверенность, если бы не могла иметь этого доверия. Здоровая душевная жизнь прекращается, когда начинается сомнение в мышлении. Если относительно какого-нибудь предмета нельзя прийти к ясности в мышлении, то всё же нужно быть способным найти утешение в том, что эта ясность появилась бы, если бы мы только могли подняться до достаточной силы и остроты мышления. Со своей неспособностью уяснить себе что-либо мышлением можно примириться; но нельзя вынести мысли, что само мышление не могло бы дать удовлетворительного ответа, хотя бы мы и проникли в его область в данном жизненном случае так, как это необходимо для достижения полного света.

Это настроение души по отношению к мышлению лежит в основе всякого стремления человечества к познанию. Оно может быть заглушено некоторыми душевными состояниями; но и в смутном чувствовании души его всегда можно найти. Мыслители, которые сомневаются в значительности и силе самого мышления, заблуждаются относительно основного настроения своей души. Ибо часто собственно сама острота их мышления, вследствие определённого перенапряжения, и создаёт им сомнения и загадки. Если бы они действительно не доверяли мышлению, они не терзали бы себя этими сомнениями и загадками, которые ведь сами являются лишь результатами мышления.

Кто развивает в себе по отношению к мышлению указанное здесь чувство, тот ощущает в мышлении не только нечто такое, что он вырабатывает в себе как способность человеческой души, но также и нечто, что несёт в себе совершенно независимо от него и от его души некую мировую сущность². Мировую сущность, до которой он должен доработаться, если хочет жить в чём-то, что *одновременно* принадлежит и ему, и независимому от него миру.

Умение предаваться жизни мысли имеет в себе нечто глубоко успокоительное. Душа чувствует, что в этой жизни она может освободиться от *самой себя*. Но это чувство так же необходимо душе, как и противоположное — чувство возможности быть всецело в самой себе³. В обоих чувствах лежит необходимое для неё качание маятника её здоровой жизни. В сущности, бодрствование и сон есть лишь самые крайние выражения этого качания маятника. В бодрствовании душа пребывает в себе, живёт своей собственной жизнью; во сне она утрачивает себя, отдаваясь переживанию всеобще-

² Welt-Wesenheit. Здесь и далее в некоторых местах приведены соответствующие немецкие слова и выражения, используемые в тексте Рудольфом Штейнером. — *Прим. ред.*

³ völlig In-sich-selbst-sein-Könnens

мирового, и таким образом как бы освобождается от самой себя⁴. — Оба качания душевного маятника проявляются и в различных других состояниях внутреннего переживания. Причём жизнь в мыслях есть освобождение души от самой себя, подобно тому как чувствование, ощущение, жизнь аффектов и т. д. суть её пребывание в самой себе⁵.

Рассматриваемое таким образом, мышление даёт душе утешение, необходимое ей как противовес чувству покинутости миром. Ведь можно правомерно прийти к ощущению: что я такое в потоке общего мирового свершения, бегущем из бесконечности в бесконечность, что я такое в нём с моим чувствованием, с моим желанием и волеием, имеющими значение лишь для одного меня? Как только человек верно прочувствует жизнь в мыслях, он этому ощущению противопоставит другое: мышление, имеющее дело с этим мировым свершением, принимает в своё лоно и тебя с твоей душой; ты живёшь в этом свершении, когда, мысля, даёшь его сущности изливаться в тебя. Тогда можно почувствовать себя принятым в мир, оправданным в нём. Из этого настроения душа черпает для себя затем укрепление, ощущаемое ею так, как если бы оно притекало к ней по мудрым законам от самих мировых властей.

От этого ощущения тогда уже недалеко до следующего шага, после которого душа говорит: не только я мыслю, но нечто мыслит во мне; становление мира высказывается во мне; моя душа являет лишь арену, на которой мир изживает себя как мысль.

Это ощущение может быть отвергнуто той или иной философией. Путём самых разнообразных доводов можно — с кажущейся убедительностью — показать, что только что высказанная мысль о «себя-мышлении⁶ мира в человеческой душе» совершенно ошибочна. Но в ответ необходимо признать, что это — такая мысль, которая вырабатывается путём внутреннего переживания. Только тот, кто выработал её таким образом, вполне понимает её значение и знает, что никакие «опровержения» не могут поколебать этого значения. Кто выработал её в себе, тот именно на ней совершенно ясно видит, какова настоящая ценность многих «опровержений» и «доказательств». Они часто кажутся вполне верными лишь до тех пор, пока человек ещё в состоянии держаться ошибочного представления о доказательной силе их содержания. Тогда трудно бывает договориться с людьми, придающими для себя решающее значение подобным «доказательствам». Они *принуждены* думать, что заблуждается другой, потому что они ещё не совершили в себе той внутренней работы, которая привела этого другого к признанию того, что кажется им ошибочным или, может быть, даже вовсе безрассудным.

Для желающего войти в духовную науку полезны подобные медитации, как только что приведённая о мышлении. Для такого человека речь идет ведь о том, чтобы привести свою душу в состояние, которое раскрывает ей доступ в духовный мир. Этот доступ может остаться закрытым для самого острого мышления, для самой совершенной научности, если душа ничего не приносит навстречу духовным фактам, готовым нахлынуть на неё, или сообщению о них. — Если часто отдаваться чувству той крепости, которая заключена в следующем настроении души: «Мысля, я ощущаю себя единым с потоком мирового свершения», то это может быть хорошей подготовкой для достижения духовного познания. — При этом вовсе не так важна абстрактная познавательная ценность этой мысли, как то, чтобы часто ощущать в душе укрепляющее действие, которое переживают, когда такая мысль могущественно протекает через внутреннюю жизнь, когда она разливается в душевной жизни подобно духовному живительному воздуху. Дело не в одном только познании того, что заключено в такой мысли, но в *пережива-*

⁴ Между этим и следующим предложением стоит тире. В данной редакции перевода сохранена авторская пунктуация Рудольфа Штейнера, в том числе и эта особенность языка — тире между предложениями внутри абзаца (или даже в конце абзаца). Обычно оно используется, чтобы указать на смену темы или мысли, или же призывает сделать паузу, обратить внимание на данное место в тексте. — *Прим. ред.*

⁵ In-sich-selbst-Sein

⁶ Sich-Denken

нии. Она познана, если *хоть раз* с достаточной убедительностью предстала душе; но чтобы она стала плодотворной для понимания духовного мира, его существ и событий, для этого нужно, после того, как она была понята, всё снова оживлять её в душе. Всё снова должна душа всецело наполняться ею, давать одной только этой мысли присутствовать в себе, исключив все другие мысли, ощущения, воспоминания и т. д. — Такое повторное сосредоточение на вполне постигнутой нами мысли собирает в душе силы, которые в обычной жизни бывают до известной степени рассеяны; она укрепляет их в самой себе. Эти собранные воедино силы становятся органами для восприятия духовного мира и его истин.

Из этих указаний можно понять правильный ход медитирования. Сначала надо доработаться до мысли, постижимой при помощи средств, доставляемых нам обычной жизнью и познанием. Затем повторно погружаются в эту мысль, совершенно сливаются с ней воедино. Укрепление души наступает благодаря жизни в подобной познанной мысли. — Здесь для примера была выбрана мысль, взятая из природы самого мышления. Она была выбрана для примера, так как особенно плодотворна для медитирования. Но в смысле медитации сказанное здесь относится ко всякой мысли, добытой описанным образом. — Для медитирующего особенно плодотворно, когда ему знакомо душевное настроение, вытекающее из вышеупомянутого качания маятника душевной жизни. Таким путём он вернее всего приходит к чувству, что в медитации духовный мир коснулся его непосредственно.

И это чувство — здоровый результат медитации. — Этому чувству надлежит излучать свою силу на содержание всей остальной бодрственной дневной жизни. Но не так, чтобы всегда сохранялось как бы постоянное впечатление от настроения медитации, а таким образом, чтобы всегда можно было сказать себе, что благодаря переживанию медитации во всю жизнь изливается некая крепость. Если настроение медитации проходит через дневную жизнь как постоянно присущее ей впечатление, то оно простирает над ней нечто, нарушающее свободу этой жизни. Тогда это настроение не сможет быть достаточно сильным и достаточно чистым во время самой медитации. Медитация приносит надлежащие плоды именно благодаря тому, что она настроением своим выделяется из остальной жизни. И лучше всего действует она на эту жизнь, когда ощущается как нечто особенное, выделенное.

О познании духовного мира

Постижение данных духовной науки облегчается, если в обычной душевной жизни обратить внимание на источники таких понятий, которые позволяют расширять и преобразовывать себя таким образом, что они постепенно дорастают до событий и существ духовного мира. Если не встать на этот путь, со всем подобающим ему терпением, то легко можно впасть в соблазн и представить себе духовный мир слишком похожим на физический или чувственный. Более того, без этого пути нельзя будет даже составить себе точное представление о самом духовном и его отношении к человеку.

Духовные события и существа подступают к человеку, если он подготовил свою душу к тому, чтобы воспринять их. То, как они подступают к нему, совершенно отлично от появления физических событий и существ. Но можно составить себе представление об этом совершенно особенном появлении, если вызвать перед душой процесс воспоминания. — Более или менее давно нечто было пережито. В определённый момент — по тому или иному поводу — оно всплывает из глубин душевного переживания. Человек знает, что всплывшее таким образом соответствует некоторому переживанию, и относит его к этому переживанию. Но в момент воспоминания из этого переживания имеется *налицо* только вспоминаемый образ. — Представьте себе, что в душе всплывает образ такого же рода, как и образ воспоминания, но всплывает так, что он выражает собою не пережитое раньше, а нечто незнакомое душе. Таким путём можно составить себе представление о том, как выступает вначале духовный мир в душе, если она достаточно подготовлена к этому.

Вследствие этого человек, недостаточно знакомый с условиями духовного мира, всегда будет готов возразить, что все «мнимо» духовные переживания суть не что иное, как в той или иной степени неясные образы воспоминаний, которые душа только не узнаёт как таковые, и поэтому она и может считать их за откровения духовного мира. Нельзя отрицать, что отличать иллюзии от реальности в этой области действительно трудно. Многие, полагая, что они имеют восприятия из сверхчувственного мира, бывают заняты, конечно, лишь образами своих воспоминаний, которые они только не распознают как таковые. Чтобы различать здесь совершенно ясно, необходимо быть хорошо осведомлённым о том, что может стать источником иллюзий. Достаточно, например, только раз бегло увидеть что-нибудь, так бегло, что впечатление даже не вполне достигло сознания, и это может выступить впоследствии — возможно, даже в совершенно изменённом виде — как живой образ. И человек будет уверять, что он никогда не имел с ним дела и что это действительно является откровением.

Это и многое другое делает вполне понятным, что данные сверхчувственного видения⁷ людям, не знакомым со своеобразием духовной науки, кажутся в высшей степени сомнительными. — Кто со всей тщательностью примет во внимание сказанное в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» о развитии духовного видения, тот действительно получит возможность отличать в этой области истину от иллюзии.

Но относительно этого надо сказать ещё следующее. Сначала духовные переживания выступают, действительно, как образы. Они поднимаются как образы из глубин подготовленной к этому души. Вопрос только в том, чтобы достигнуть правильного отношения к этим образам. Они имеют ценность для сверхчувственного восприятия лишь в том случае, если, по всему характеру своего появления, вовсе не предлагают принять

⁷ Schauens

их ради них самих и как нечто самостоятельное. Принятые же таким образом, они едва ли имеют большую ценность, чем обыкновенные сны. Они должны представлять перед нами словно буквы, которые мы видим перед собой. Никто не обращает внимания на форму букв, но в буквах читают то, что выражено посредством букв. Подобно тому как написанное не побуждает нас описывать формы букв, так и образы, составляющие содержание сверхчувственного видения, не побуждают принимать их в качестве самодовлеющих; но они сами собой приводят к необходимости полностью отрешиться от их образной сущности и направить душу на то, что приходит к выражению через них как сверхчувственное событие или существо.

Как мало кто может возразить, что письмо, через которое мы узнаём нечто, доселе совсем неизвестное, состоит лишь из давно знакомых букв, так же мало может быть сказано в отношении образов сверхчувственного сознания⁸, что они содержат лишь то, что заимствовано из обычной жизни. — До некоторой степени это, конечно, так. Но для подлинного сверхчувственного сознания важно не то, что в них заимствовано из обыкновенной жизни, а то, что в этих образах выражается.

Разумеется, сначала душа должна подготовиться к тому, чтобы увидеть появление таких образов в духовном кругозоре; но для этого она должна также тщательно подойти к развитию в себе чувства, что не надо останавливаться на этих образах, а необходимо правильно отнести их к сверхчувственному миру. Можно сказать, что для истинного сверхчувственного восприятия необходима не только способность узреть в себе мир образов, но ещё и другая способность, которую в чувственном мире можно сравнить с *чтением*.

Сверхчувственный мир следует представлять себе прежде всего как нечто, лежащее совершенно вне обыденного сознания. У последнего нет ничего, что давало бы ему возможность проникнуть в этот мир. Благодаря укреплённым в медитации силам душевной жизни впервые происходит *соприкосновение* души со сверхчувственным миром. И тогда из потоков душевной жизни поднимаются вышеозначенные образы. Как таковые они являются картиной, которая, собственно, целиком соткана самой душой. И притом соткана из сил, которые душа выработала себе в чувственном мире. Будучи тканью из образов, она действительно не содержит ничего помимо того, что можно сравнить с воспоминанием. — Чем точнее уяснят себе это понимание ясновидческого сознания, тем лучше. Тогда не будут больше предаваться иллюзии относительно природы этих образов. А также и выработают себе правильное чувство относительно того, как следует относить эти образы к сверхчувственному миру. Научатся при помощи образов *читать* в сверхчувственном мире. — Благодаря впечатлениям чувственного мира люди стоят, естественно, гораздо ближе к существам и событиям этого мира, чем благодаря сверхчувственно зримым образам — к миру сверхчувственному. Можно даже сказать, что сначала эти образы являются как бы завесой, которую душа ставит себе перед сверхчувственным миром, когда она чувствует, что последний коснулся её.

Необходимо постепенно освоиться с характером переживания сверхчувственных вещей. При самом переживании постепенно слагается верное толкование, правильное чтение. При более значительных сверхчувственных переживаниях созерцаемое само собою даёт понять, что здесь имеют дело совсем не с образами воспоминаний из обыкновенного переживания. Конечно, люди, составившие себе убеждение о тех или иных сверхчувственных познаниях или, по крайней мере, полагающие, что составили себе

⁸ В предыдущих изданиях книги в тексте перевода не делалось различия между сверхчувственным (*übersinnlich*) и ясновидческим (*hellsichtig*) сознанием; везде использовался термин «ясновидческое сознание». В данном издании мы, вслед за Рудольфом Штейнером, делаем это различие, хотя в обоих случаях речь идёт об одном и том же сознании — достигшем восприятия сверхчувственных миров, способном видеть в них. — *Прим. ред.*

такое, утверждают в этой области много нелепого. Как часто люди, убеждённые в повторности земных жизней, относят некоторые образы, встающие в их душе, к переживаниям своего прежнего земного существования. Нужно всегда относиться с недоверием, когда эти образы вроде бы намекают на предшествующие земные жизни, похожие в том или ином отношении на настоящую, или же когда эти предшествовавшие жизни кажутся такими, что настоящую жизнь легко можно понять *рассудочно* из мнимой прежней. Когда в *действительном* сверхчувственном переживании появляется истинное впечатление из прежней или даже прежних земных жизней, то чаще всего эта жизнь или эти жизни оказываются такими, что никаким придумыванием или никаким желанием и стремлением, коренящимся в настоящей жизни, не удалось бы ни воссоздать, ни даже только мысленно представить их себе. Например, человек получает впечатление о своём прежнем земном бытии в определённый момент своей настоящей жизни, в которой совершенно невозможно овладеть способностями, или чем-то подобным тем способностям, которыми человек обладал в той жизни. Образы, появляющиеся для этих более значительных духовных переживаний, не только не могут оказаться воспоминаниями из обыкновенной жизни, но чаще всего даже бывают таковы, что в обыкновенном переживании они совершенно не могли бы прийти на ум. — Ещё в большей степени относится это к настоящим впечатлениям из действительно сверхчувственных миров. Так, например, часто бывает невозможным исходя из обыкновенной жизни создать образы, которые относились бы к существованию в промежутке между земными жизнями, то есть к жизни между смертью человека в предыдущей земной жизни и его рождением в настоящей. Тогда человеку доводится узнать, что в духовной жизни он развивал к людям и вещам наклонности, находящиеся в полном противоречии с теми, которые он развивает теперь в своей земной жизни. Он познаёт, что часто в земной жизни он чувствовал побуждение с любовью заняться чем-нибудь таким, что он отклонял от себя или чего избегал в предшествовавшей духовной жизни (между смертью и рождением). Всё, что могло бы всплыть из обыкновенного переживания как воспоминание об этом, неминуемо было бы совсем иным, чем это впечатление, получаемое путём действительного восприятия из духовного мира.

Но человек, не знакомый с духовной наукой, сумеет найти возражения даже тогда, когда дело обстоит так, как только что описано. Он может сказать: допустим, ты что-нибудь любишь. Но человеческая природа сложна. К каждой симпатии примешана тайная антипатия. В какой-нибудь момент она всплывает в тебе по отношению к данной вещи. Ты принимаешь это за переживание, бывшее до рождения, между тем как оно, может быть, вполне естественно объясняется из подсознательных фактов душевной жизни. — На это возражение можно в общем сказать только то, что во многих случаях оно, конечно, может оказаться вполне справедливым. Данные сверхчувственного сознания совсем не легко достаются в таком виде, чтобы на них *нельзя было ничего возразить*. Но если верно, что «мнимый» духовный исследователь может заблуждаться и относить факты подсознательной жизни к опыту духовной жизни до рождения, то несомненно также и то, что духовнонаучное обучение ведёт к самопознанию, которое охватывает и подсознательные сферы души и может и в этом отношении избавиться от заблуждений. Здесь утверждается только то, что *истинны* лишь те сверхчувственные познания, при которых человек бывает в состоянии отличать в познавательной деятельности то, что исходит из сверхчувственных миров, от того, что образовано лишь собственным представлением. Но при вживании в сверхчувственные миры способность различения усваивается настолько, что в этой области человек научается отличать восприятие от воображения с такой же уверенностью, с какой в чувственном мире он отличает настоящее раскалённое железо, до которого дотрагивается пальцем, от только лишь воображаемого.

Об эфирном теле человека и об элементарном мире

Признание сверхчувственного мира и его познание человек приобретает путём преодоления определённых препятствий, вначале преграждающих душе путь к этому признанию. Существующая здесь трудность заключается в том, что эти препятствия хотя и оказывают своё действие в душевном переживании, но в обычной жизни как таковые не доходят до сознания. В душе человека живёт многое, о чём сама душа сначала ничего не знает, о чём она лишь постепенно приобретает знание, совершенно так же, как и о существах и событиях внешнего мира.

Духовный мир для души — прежде чем он бывает ею познан — есть нечто совершенно чуждое, не содержащее по своим свойствам ничего из того, что душа может узнать через свои переживания в чувственном мире. Таким образом, душа может предстать перед этим духовным миром и увидеть в нём совершенное «ничто». Душа может почувствовать себя как бы смотрящей в бесконечную, пустую, безжизненную пропасть. — Такое чувство действительно присутствует в первоначально бессознательных глубинах души. Душа испытывает чувство, родственное боязни или страху; она живёт в нём, сама не зная о том. Но на жизнь души оказывает влияние не только то, о чём она знает, но также и то, что в ней действительно живёт неведомо для неё самой. — Если душа ищет в области своего мышления «доводы для возражения» и «доказательства» против духовного мира, то это происходит не оттого, что эти «доводы» принудительны для неё сами по себе, но оттого, что душа ищет, чем бы оглушить себя, чтобы спастись от описанного чувства. Отрицателями духовного мира или возможности его познания становятся не потому, что можно «доказать» его «несуществование»⁹, но потому, что хотят наполнить душу мыслями, которые скрывают «боязнь перед духовным миром». Освобождение от этого томительного искания материалистических средств оглушить себя, чтобы спастись «от боязни перед духовным миром», может наступить лишь тогда, когда бывает принято во внимание всё сказанное здесь об условиях душевной жизни. «Материализм как феномен душевного страха» является важной главой в науке о душе.

Эта «боязнь перед духовным» становится понятной, когда человек пробивается к признанию той истины, что события и существа чувственного мира являются внешним выражением сверхчувственных, духовных событий и существ. Это понимание наступает уже тогда, когда человек прозревает, что тело, которое чувственно воспринимается им и с которым одним только и имеет дело внешняя наука, есть выражение для тонкого, сверхчувственного (эфирного) тела, в котором, как в облаке, содержится чувственное (или физическое), подобно более плотному ядру. — Это эфирное тело есть второй член человеческого существа. В нём основа жизни физического тела. Но в отношении этого эфирного тела человек не в такой степени обособлен от внешнего мира, как в своём физическом теле он обособлен от физического внешнего мира. Когда в отношении эфирного тела говорится о внешнем мире, то при этом имеется ввиду не физический внешний мир, воспринимаемый через органы чувств, но духовный окружающий мир, который по сравнению с физическим миром столь же сверхчувствен, как эфирное тело человека — по сравнению с физическим. Как существо эфирное человек находится в эфирном (элементарном) мире.

Когда человек начинает осознавать то, что он переживает всегда, но о чём он при обычном переживании ничего не знает, а именно: что как существо эфирное он пребы-

⁹ Nichtdasein

ваит в элементарном мире, — то это бывает совершенно иное сознание, чем при обыкновенном переживании. Это сознание наступает при сверхчувственном познании. И это сознание *знает* тогда о том, что всегда существует в жизни, но что скрыто от обыденного сознания.

Когда человек в обычном сознании говорит себе «Я», он указывает при этом на существо, предстающее в его физическом теле. В чувственном мире его здоровая душевная жизнь основана на этом познании себя как существа, обособленного от остального мира. Эта здоровая душевная жизнь была бы нарушена, если бы как какие-либо существа или события внешнего мира были обозначены человеком как принадлежащие к его «Я». — Но дело обстоит иначе, когда человек переживает себя как эфирное существо в элементарном мире. Там его собственное Я-существо¹⁰ сливается с некоторыми событиями и существами окружающего мира. Эфирное существо человека должно узнавать *себя* также и в том, что является для него внутренним, но в совсем ином роде, чем оно привыкло рассматривать это «внутреннее» в чувственном мире. В элементарном мире есть силы, события и существа, к которым, хотя они и являются в известном отношении «внешним миром», человек должен всё же обращаться так, как если бы они принадлежали к его собственному «Я». Как эфирное существо человек включён в элементарное существо мира. В физически-чувственном мире у него есть его мысли; он соединён с ними так, что может рассматривать их как входящие в состав его «Я». И как в чувственном мире воздействуют на него мысли, столь же интимно воздействуют на его «внутреннее» эфирное существо силы, события и т. д., которые относятся к нему, однако, не как мысли, но как существа, живущие *с* его душой и *в* его душе. Поэтому сверхчувственное познание нуждается в большей внутренней силе, чем та, которой обладает душа для утверждения себя самостоятельной по отношению к своим мыслям. И подготовка к истинному духовному видению заключается главным образом во внутреннем укреплении и в выработке такой силы в душе, чтобы она могла почувствовать себя как самостоятельное существо не только когда в ней живут мысли, но и когда в поле её сознания и как часть её собственной сущности появляются силы и существа элементарного мира.

Сила души, посредством которой она утверждает себя как существо элементарного мира, присутствует и в обыкновенной жизни человека. Душа первоначально ничего не знает об этой силе, *но она обладает ею*. Для того, чтобы обладать ею *сознательно*, она должна сначала подготовиться. Для этого она должна усвоить себе ту внутреннюю душевную крепость, которая приобретается при подготовке к духовному созерцанию. Пока человек не может решиться усвоить себе эту внутреннюю душевную крепость, до тех пор у него будет понятная боязнь перед признанием окружающего его духовного мира и он будет — бессознательно — прибегать к иллюзии, будто этого духовного мира не существует или он непознаваем. Эта иллюзия помогает ему справляться с инстинктивной боязнью перед сращением или слиянием его самостоятельного существа (его «Я») с неким сущностным духовным внешним миром.

Кто проникнет в изложенное здесь положение вещей, тот придёт к признанию эфирного существа человека «за» физически-чувственным человеком и сверхчувственного эфирного (элементарного) мира — за физически воспринимаемым.

В элементарном мире ясновидческое сознание находит нечто сущностное, имеющее некоторую самостоятельность, в отличие от того, как в чувственном мире физическое сознание находит мысли, которые не самостоятельны и не сущностны. — Вживание в элементарный мир ведёт затем к тому, что этих частично самостоятельных существ человек начинает видеть в более обширной связи. Как если бы он стал рассматривать члены физического тела сначала в их частичной самостоятельности, а затем

¹⁰ (Ich-) Wesen

признал бы, что они существуют в целом теле как части, — так и для сверхчувственного сознания отдельные существа элементарного мира соединяются в жизненные члены великого духовного тела, которое затем в дальнейшем ходе сверхчувственного переживания познаётся как элементарное (сверхчувственное) жизненное тело Земли. В этом жизненном теле Земли эфирное существо человека само чувствует себя членом.

Это продвижение вперёд в духовном видении есть вживание в сущность элементарного мира. Этот мир населён¹¹ существами самого различного рода. Выразить деятельность этих сущностных сил можно, только обрисовав образно их различные особенности. Там есть существа, у которых можно найти сродство со всем, что стремится к прочности, к твердости, к тяжести. Они могут быть названы душами земли. (А если не мнить себя слишком умным и не пугаться образа, который тоже ведь должен только указывать на действительность, а не быть ею самою, то можно говорить о «гномах».) Там можно также найти существ, которые в связи с их качествами могут быть обозначены как души воздуха, воды и огня.

Но затем обнаруживаются и другие существа. Хотя они и выступают так, что кажутся элементарными (эфирными) существами, однако по ним можно узнать, что в их эфирной сущности заключено что-то более высокого порядка, нежели существо элементарного мира. Человек учится понимать, что к истинному бытию этих существ нельзя подойти с той степенью сверхчувственного познания, которая достаточна лишь для элементарного мира, как нельзя подойти к истинному существу человека с одним только физическим сознанием.

Упомянутые ранее существа, которые образно могут быть названы душами земли, воды, воздуха и огня, вместе с их деятельностью находятся в определённом соотношении внутри элементарного жизненного тела Земли. Они имеют в нём свои задачи. Что же касается охарактеризованных существ более высокого порядка, то они проявляют деятельность, выходящую за пределы земной области. При дальнейшем познании их в сверхчувственном переживании человек сам, с его сознанием, духовно выводится за пределы земной области. Он видит, как эта земная область образовалась из другой и как она развивает в себе духовные зачатки, чтобы в будущем из неё могла возникнуть новая область, в некотором роде «Новая Земля». В моём «Тайноведении» говорится, почему то, из чего образовалась Земля, может быть обозначено как древняя «планета Луна», и почему тот мир, к которому будет стремиться Земля в будущем, можно обозначить как «Юпитер». Самое главное здесь то, что в «древней Луне» можно видеть давно отошедший в прошлое мир, из которого путём превращения образовался мир Земли, а под «Юпитером» в духовном смысле надо понимать грядущий мир, к которому стремится мир Земли.

¹¹ belebt

Обзор предыдущего

В основе физического человека лежит его тонкое эфирное существо. Оно живёт в элементарном окружающем мире, подобно тому как физический человек живёт в физическом окружающем мире. Элементарный внешний мир в совокупности своей складывается в сверхчувственное жизненное тело Земли. Оно является преобразованной сущностью¹² некоторого древнего мира (мира Луны) и подготовительным состоянием¹³ к будущему миру (миру Юпитера).

Согласно вышесказанному, схематически человека можно рассматривать так:

I. *Физическое тело в физически-чувственном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя как самостоятельное, обособленное существо («Я»).

II. *Тонкое (эфирное) тело в элементарном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя членом жизненного тела Земли, а вместе с тем и членом трёх следующих друг за другом планетарных состояний.

¹² Umwandelungswesen

¹³ Vorbereitungszustand

О повторных земных жизнях и о карме.
Об астральном теле человека и о духовном мире.
Об ариманических существах

Особенно трудно для души признать господство в душевной жизни чего-то такого, что для сознания души является в такой же степени внешним миром, как и называемый так в обычном смысле внешний мир. Она этому — бессознательно — противится, так как думает, что такое положение вещей угрожает её самостоятельному бытию. Она инстинктивно отвращает духовный взор от этого положения вещей. То, что новейшая наука теоретически признаёт этот факт, ещё не составляет полного его переживания, со всеми последствиями его внутреннего постижения и проникнутостью им. Когда сознание может прочувствовать этот факт исполненным жизни, оно учится познавать в существе души внутреннее ядро, являющееся сущностно самостоятельным по отношению ко всему, что может развиваться в области сознательной душевной жизни между рождением и смертью. Сознание познаёт в своей основе существо, чьим творением оно должно себя чувствовать. И чьим творением оно должно чувствовать также и носителя сознания — тело, со всеми его силами и качествами. В ходе подобного переживания душа учится ощущать созревание находящегося в ней духовного существа, ускользающего от влияния сознательной жизни. Она приходит к тому, чтобы чувствовать, как это внутреннее существо во время жизни между рождением и смертью становится всё сильнее, но также и самостоятельнее. Она познаёт, что это существо во время жизни между рождением и смертью относится к остальному переживанию так, как развивающийся в растении зачаток относится к целому растению, в котором он развивается. Но только растительный зачаток — существо физическое, а душевный зачаток — существо духовное. — Дальнейший ход такого переживания ведёт затем к признанию мысли о повторных земных жизнях человека. Душа может в своём сущностном ядре — до известной степени независимом от неё — почувствовать зачаток новой человеческой жизни, в которую этот зачаток перенесёт плоды настоящей жизни после того, как он в духовном мире, после смерти, чисто духовным образом испытает те условия жизни, которые он не может испытать, будучи облечён между рождением и смертью физическим земным телом.

Из этой мысли с необходимостью следует затем другая: что настоящая чувственная жизнь между рождением и смертью есть результат других, давно прошедших земных жизней, в которых душа развила зачаток, продолжавший после смерти жить в чисто духовном мире, пока он не созрел к тому, чтобы путём нового рождения вступить в новую земную жизнь, — подобно тому как зачаток растения становится новым растением после того, как, освободившись от старого растения, в котором он образовался, он некоторое время пробыл в иных условиях жизни.

Сверхчувственное сознание через соответствующие приготовления души учится погружаться в определённый процесс, состоящий в том, что в человеческой жизни образуется в некотором роде самостоятельное ядро, которое переносит плоды этой жизни в последующие земные жизни. — Образно, сущностно, как если бы желая раскрыться как отдельное существо, всплывает из потоков души вторая самость¹⁴, являющаяся как

¹⁴ Нем. Selbst. В первом русскоязычном издании (1917 г.) и во всех последующих немецкое слово «Selbst» переводилось как «Я». Но, учитывая, что Рудольф Штейнер различает в тексте «Я» («Ich») и «самость» («Selbst»), в данной редакции перевода мы также делаем это различие. Здесь и далее везде

самостоятельная, высшая по отношению к тому существу, которое мы прежде называли своей самостью. Как это последнее человек сливается воедино с инспирирующей его, высшей самостью.

В том, что сверхчувственное сознание распознаёт как данность, обыденное сознание живёт, само о том не зная. И здесь опять-таки необходимо душевное укрепление, чтобы утвердиться теперь не только по отношению к духовному внешнему миру, с которым человек сливается, но ещё и по отношению к духовному существу, которое есть в высшем смысле он сам и которое всё-таки стоит вне того, что он в чувственном мире *необходимо* должен чувствовать как свою самость. (Каким образом эта вторая самость образно, сущностно поднимается из потоков души — это происходит совершенно поразному для разных человеческих индивидуальностей. В моих драматических душевных картинах «Врата посвящения», «Испытание души», «Страж порога» и «Пробуждение душ» я попытался представить, каким образом различные человеческие индивидуальности дорабатываются до переживания этой «другой самости».)

Даже если душа в обыкновенном сознании ничего и не знает об инспирации через её «другую самость», эта инспирация тем не менее происходит в глубинах души. Но только эта инспирация действует не через мысли или через внутренние слова; она *действует через поступки*, через события, через происходящее. Эта «другая самость» и есть именно то, что ведёт душу через отдельные частности её жизненной судьбы и пробуждает в ней способности, наклонности, задатки и т. д. — Эта «другая самость» во всей полноте живёт в судьбе человека. Оно шествует наряду с той самостью, бытие которой замкнуто между рождением и смертью, и формирует человеческую жизнь со всем тем радостным, возвышающим, болезненным, что входит в неё. Встречаясь с этой «другой самостью», сверхчувственное сознание учится говорить «Я» всей совокупности жизненной судьбы, подобно тому как физический человек говорит «Я» применительно к своему собственному существу. То, что определяют восточным словом «карма», срastaется, таким образом, с «другой самостью», с «духовным Я-существом». Жизнь человека является инспирированной его собственным вечным существом, переходящим от жизни к жизни; и инспирация происходит таким образом, что жизненные судьбы последующего земного существования оказываются результатом предшествующих земных жизней.

Таким образом, человек учится познавать себя как «другое существо» — то существо, которым он является вне чувственного бытия и которое в этом чувственном бытии проявляется лишь в своих действиях. Когда сознание вступает в *этот* мир, оно находится в области, которая по отношению к элементарной может быть обозначена как область духа.

Пока человек чувствует себя в этой области, он видит себя стоящим полностью за пределами круга, внутри которого разыгрываются все переживания и опыты чувственного мира. Он оглядывается из другого мира назад на тот мир, который он в известном смысле покинул. И приходит к познанию, что как человек он принадлежит обоим мирам. Он ощущает чувственный мир как своего рода отражение мира духа; но отражение такое, в котором не только отражаются события и существа мира духа, но которое, оставаясь отражением, живёт, однако, в самом себе самостоятельной жизнью. Как если бы человек смотрел на себя в зеркале, и в то же самое время его отражение приобрело бы самостоятельную жизнь. — Человек учится познавать духовных существ, которые вызывают эту самостоятельную жизнь отражения духовного мира. Этих духовных существ ощущает он как таких, которые по своему происхождению принадлежат к миру

по тексту книги, где идет речь об этой другой, высшей сущности человека, Рудольф Штейнер использует слово «Selbst». Причём везде с большой буквы (как и в случае «Ich»), на что также следует обратить внимание. — *Прим. ред.*

духа, но покинули область этого мира и развивают свою деятельность в области мира чувственного. Таким образом, он видит себя перед лицом двух миров, действующих друг на друга. Пусть духовный мир будет здесь обозначен как *верхний*, а мир чувственный — как *нижний* мир.

Описанных духовных существ человек учится познавать в нижнем мире посредством того, что сам некоторым образом перемещает свою точку зрения в верхний. Один род этих духовных существ представляется тогда так, что в них человек находит основание того, почему он переживает мир чувственный как вещественный, материальный. Он узнаёт, что всё вещественное на самом деле духовно и что духовная деятельность этих существ уплотняет духовное чувственного мира, делает его твёрдым до степени вещественного. Как ни нелюбимы в настоящее время некоторые имена, их всё-таки нужно применить к тому, что зримо как действительное в духовном мире. Поэтому пусть существа, обуславливающие это овеществление чувственного мира, получат здесь название *ариманических*. Относительно этих ариманических существ оказывается, что их подлинная область находится в царстве минерального. Эти существа господствуют в минеральном царстве, раскрывая в нём полностью то, чем они являются по своей природе. — В царстве растений и в высших царствах природы они совершают нечто другое. Но это другое становится понятным, только если принять во внимание область элементарного мира. Если смотреть из области духа, то и элементарный мир предстаёт как её отражение. Но самостоятельность отражения в элементарном мире не так велика, как самостоятельность физического чувственного мира. В элементарном мире духовные существа ариманического рода господствуют меньше, чем в чувственном. Но из элементарного мира эти ариманические существа развивают среди других своих деятельностей ещё и ту, которая выражается в уничтожении существования и в смерти. Можно прямо сказать, что относительно высших царств природы ариманические существа имеют задачей вызывать в них смерть. Поскольку смерть является частью необходимого порядка бытия, задача ариманических существ коренится в этом порядке.

Но, наблюдая из духовной области деятельность ариманических существ, человек узнаёт, что с их действиями в нижнем мире связано ещё и нечто другое. Имея ареной своей деятельности этот мир, они не чувствуют себя связанными тем порядком, который подобал бы их силам, если бы они действовали в верхнем мире, откуда они берут своё начало. В нижнем мире они стремятся к самостоятельности, которой они никогда не могли бы иметь в верхнем мире. В особенности сказывается это в воздействии ариманических существ на человека, так как он образует высшее царство природы чувственного мира. Они стремятся человеческую душевную жизнь, поскольку она связана с его чувственным бытием, отделить от верхнего мира и включить её всецело в свой собственный мир. Как мыслящая душа человек имеет своё начало в верхнем мире. Становясь духовно видящей, мыслящая душа опять вступает в этот верхний мир. Но раскрываясь в мире чувственном и будучи связано с ним, мышление содержит в себе нечто такое, что нужно обозначить как влияние ариманических существ. Эти существа хотят придать чувственному мышлению в пределах чувственного характер непреходящего существования. Между тем как их силы приносят смерть, они хотят избавить от смерти мыслящую душу и лишь тому остальному, что кроме неё наличествует в человеке, дать вливаться в поток уничтожения. Человеческая же сила мышления должна, согласно их намерениям, оставаться в области чувственного и принимать такой род бытия, который становится всё более и более похожим на природу ариманического.

В нижнем мире вышеописанное выражается только в своём *действии*. Человек может стремиться к тому, чтобы в своей мыслящей душе проникнуться силами, которые признают духовный мир, которые знают себя живущими и пребывающими в нём. Но он также может своей мыслящей душой отвратиться от этих сил; он может употре-

бить своё мышление только на то, чтобы охватывать им чувственный мир. Соблазны пойти по этому последнему пути исходят от ариманических сил.

Об астральном теле и о люциферических существах. О сущности эфирного тела

Другой род духовных существ, которых можно наблюдать из мира духа действующими в мире чувственном (а также и в элементарном) как на усвоенной ими для себя арене, это те существа, которые хотят совсем освободить чувствующую душу от чувственного мира; они хотят как бы одухотворить её. Но жизнь в чувственном мире принадлежит мировому порядку. Когда человеческая душа живёт в чувственном мире, она проходит в нём развитие, входящее в состав условий её существования. То, что она погружена в эту чувственную область, является результатом деятельности существ, которых человек познаёт в верхнем мире. Наперекор этой деятельности работают существа, которые хотят вырвать чувствующую душу из условий чувственной деятельности. Пусть эти существа будут здесь названы *люциферическими*.

Таким образом, люциферические существа в чувственном мире как бы подстерегают всё, что есть в этом мире *душевного* (чувствующего), дабы извлечь это из чувственного мира и включить в свою собственную мировую область, сходную с их природой. Если наблюдать из верхнего мира деятельность этих люциферических существ, то её можно заметить также в элементарном мире. В последнем они стремятся завладеть областью таких сил, которых, согласно их намерениям, не должна коснуться тяжесть чувственного мира, хотя существами верхнего мира им предназначено быть погружёнными в этот чувственный мир. Как ариманические существа оставались бы в своих пределах, если бы они вызывали только коренящееся в мировом порядке временное уничтожение существования, так и люциферические существа не преступили бы области своего собственного царства, если бы они лишь пронизывали чувствующую душу силами, в которых она всё снова и снова ощущала бы побуждение подняться над принуждениями чувственного мира и почувствовать себя по отношению к этим принуждениям самостоятельным, свободным существом. Но люциферические существа преступают границы своей области, пытаются наперекор общему строю верхнего мира основать особое царство духа, для которого они хотят преобразовать душевных существ чувственного мира.

Можно видеть, как в чувственном мире действие люциферических существ направляется на две стороны. С одной стороны, этим существам человек обязан тем, что он может подняться над переживанием одного только чувственно-действительного. Свою радость, свой душевный подъем он черпает не только из чувственного мира. Он может радоваться и тому, что живёт в одной только видимости¹⁵, что как *прекрасная видимость* выходит за пределы чувственного, и испытывать от неё душевный подъем. С этой стороны люциферическая деятельность способствовала созданию самых значительных плодов культуры, прежде всего — художественных. Человек может жить и в свободном мышлении; ему не нужно непременно только описывать чувственные вещи и мысленно копировать их; он может развивать творческое мышление, выходя за пределы чувственного мира; он может о вещах философствовать. — С другой стороны, чрезмерное напряжение люциферических сил в душах становится источником мечтательности и спутанности, стремящихся водвориться в душевной деятельности, не считаясь с условиями высшего мирового порядка. Философствование, не коренящееся в прочном вживании в мировой порядок, своенравное влечение себя в произвольные

¹⁵ im Scheine

условия, преувеличенная гордость принятым, полюбившимся личным мнением — всё это теневые стороны люциферической деятельности.

Своей «другой самостью» душа человека принадлежит к верхнему миру. Но она принадлежит также и к бытию в нижнем мире. Сверхчувственное сознание — если оно прошло через соответствующую подготовку — чувствует себя знающим в верхнем мире. Однако само положение вещей ни в чём не изменяется для сверхчувственного сознания, но только к общему для *каждой* человеческой души положению вещей присоединяется ещё и знание о нём. — Каждая человеческая душа принадлежит к верхнему миру, и когда человек живёт в чувственном мире, она связана с чувственным телом, подчинённым процессам этого чувственного мира; далее, она связана с тонким, эфирным телом, живущим в процессах элементарного мира. В чувственном и эфирном телах действуют силы ариманических и люциферических существ. Эти силы — духовной, сверхчувственной природы.

Поскольку человеческая душа живёт в верхнем (духовном) мире, она есть — если можно так выразиться — существо астральное. Ко многим основаниям, оправдывающим это выражение, относится и то, что астральное существо человека как таковое *не* подчинено условиям, действующим в пределах Земли. Духовная наука познаёт, что в астральном существе человека действуют не природные законы Земли, а законы, управляющие процессами звездного мира. В этом может иметь своё оправдание наименование астрального. К признанию физически-чувственного тела человека и тонкого, эфирного тела присоединяется, таким образом, признание третьего, *астрального тела*. Но необходимо принять во внимание следующее: своим подлинным существом астральное тело человека коренится в верхнем мире, в самой области духа. В этой области оно является существом одинакового рода с другими существами, имеющими арену своей деятельности в этом мире духа. Поскольку миры элементарный и чувственный являются отражениями мира духа, эфирное и физически-чувственное тела человека следует рассматривать как отражения астрального существа человека. Но в эфирном и физически-чувственном телах господствуют силы, исходящие от люциферических и ариманических существ. А так как эти существа имеют духовное происхождение, то естественно, что и в области чувственно-физического и эфирного тел можно найти в некотором роде астральное существо человека. Духовное наблюдение, способное только воспринимать образы сверхчувственного сознания и не умеющее правильно понимать их значение, легко может принять результат астрального воздействия в физическом и эфирном телах за собственно астральное тело. Но это «астральное тело» и есть как раз тот член человеческого существа, который в своей деятельности направлен против закономерности, истинно подобающей человеку в мировом порядке. — Перепутывание и смешение в этой области возможны тем легче, что знание об астральном существе души первоначально бывает совершенно недоступно для обычного человеческого сознания. Даже для первых ступеней сверхчувственного сознания это знание ещё недостижимо. Это сознание достигается, когда человек переживает себя в своём эфирном теле. Но в эфирном теле он видит отражения своей «другой самости» и верхнего мира, к которому принадлежит. Он видит, таким образом, эфирное отражение своего астрального тела, и видит его с содержащимися в нём люциферическими и ариманическими существами. — Из представленных в этой книге дальнейших описаний выяснится, что то «Я», которое в обыденной жизни человек называет своей сущностью, не есть ещё «истинное Я», но лишь отражение «истинного Я» в физически-чувственном мире. Таким образом, для эфирного созерцания эфирное отражение астрального тела может стать иллюзией «истинного астрального тела».

В дальнейшем ходе вживания в верхний мир сверхчувственное сознание приходит также к правильному взгляду на природу отражения верхнего мира в нижнем в отношении существа человека. Тогда прежде всего прочего выявляется, что эфирное, тон-

кое тело, присущее человеку в его настоящем земном существовании, не есть истинное отражение того, что соответствует ему в верхнем мире. Оно есть отражение, изменённое вследствие деятельности люциферических и ариманических существ. Благодаря природе земного бытия, в котором действуют названные существа, духовный прообраз эфирного тела не может полностью отражаться в земном человеке. Следуя дальше за пределы Земли, вплоть до области, в которой возможно совершенное отражение прообраза эфирного тела, сверхчувственное сознание видит себя перенесённым назад в далёкое прошлое, за пределы настоящего состояния Земли, и даже за пределы предшествовавшего ему состояния Луны. Оно приходит к пониманию того, каким образом Земля развилась из состояния Луны, а эта последняя — из состояния Солнца. Почему оправдано название «состояние Солнца», об этом можно узнать в моём «Гайноведении». Итак, Земля находилась некогда в состоянии Солнца; из него она развилась в состояние Луны, а затем стала «Землёю». Во время состояния Солнца эфирное тело человека было чистым отражением духовных процессов и существ того мира, в котором оно берёт своё начало. Сверхчувственному сознанию открывается, что эти существа состоят из чистой мудрости. Таким образом, можно сказать, что во время солнечного периода Земли, в отдалённом прошлом, человек принял в себя своё эфирное тело как чистое отражение существ космической мудрости. Во время последующего лунного, а затем земного периода это эфирное тело изменилось и стало тем, что оно есть в человеческом существе в настоящее время.

Обзор предыдущего

Человек несёт в себе некое душевное сущностное ядро, принадлежащее к духовному миру. Это душевное сущностное ядро есть непреходящее существо¹⁶ человека, изживающее себя в повторных земных жизнях таким образом, что в отдельной земной жизни для обычного сознания оно представляет собой отдельное, самостоятельное существо; после физической смерти человека оно изживает себя в чисто духовном мире, а спустя известное время вносит в новую жизнь плоды предшествовавшей. Это непреходящее существо действует так, что становится инспиратором судьбы человека. Оно инспирирует эту судьбу так, что каждая данная земная жизнь является обоснованным в мировом порядке последствием предыдущих.

Человек есть само это непреходящее существо; он живёт в нём как в своей «другой самости». Поскольку он как существо есть эта «другая самость», он живёт в астральном теле, подобно тому как он живёт в телах физическом и эфирном. Как окружение физического тела есть мир физический, а окружение эфирного тела — мир элементарный, так окружение астрального тела есть область духа.

Существа того же рода и происхождения, что и «другая самость» человека, действуют в физическом и элементарном мире как ариманические и люциферические силы. Характер их воздействия делает понятным отношение астрального тела человека к эфирному и физическому.

Первоисточник эфирного тела следует искать в давно прошедшем состоянии Земли, в её так называемом периоде Солнца.

Согласно вышесказанному, схематически человека можно рассматривать так:

I. *Физическое тело в физически-чувственном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя как самостоятельное, обособленное существо («Я»).

II. *Тонкое (эфирное) тело в элементарном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя членом жизненного тела Земли, а вместе с тем и членом трёх следующих друг за другом планетарных состояний.

III. *Астральное тело в чисто духовном окружающем мире.* Благодаря ему человек является членом этого духовного мира, отражениями которого являются миры элементарный и физический. В этом теле находится «другая самость» человека, которая приводит себя к выражению в повторных земных жизнях.

¹⁶ Dauerwesen

О «Страже порога» и о некоторых особенностях сверхчувственного сознания

Своим переживанием в чувственном мире человек стоит вне мира духовного, в котором, как было указано выше, коренится его существо. Какое значение для человеческого существа имеет это переживание, можно понять, если вспомнить, что, вступая в сверхчувственные миры, сверхчувственное сознание нуждается в укреплении именно тех сил души, которые вырабатываются в чувственном мире. Без этого укрепления душа испытывает некоторую боязнь перед вступлением в сверхчувственный мир. Она даже пытается спастись от этого вступления, отыскивая «доказательства» невозможности такого вступления.

Если же душа чувствует себя достаточно сильной для вступления, если она распознаёт в себе силы, позволяющие ей после вступления утвердить самостоятельность своего существа и переживать в поле своего сознания не только мысли, но и существ, как это необходимо в элементарном и духовном мире, тогда она чувствует также, что смогла собрать эти силы только благодаря жизни в физическом мире. Она убеждается, что в её мировом пути ей необходимо пройти через чувственный мир.

Это уразумение даётся в особенности теми переживаниями, в которых сверхчувственное сознание находится в связи с *мышлением*. При вступлении в элементарный мир сознание наполняется существами, воспринимаемыми образно. В пределах этого мира по отношению к его существам сознанию совсем не приходится развивать внутренней душевной деятельности, похожей на ту, которую человек развивает в своей мыслительной жизни в пределах чувственного мира. — Но человек совершенно не мог бы разобрататься в этом элементарном мире и утвердить себя в нём как человеческое существо, если бы он не вступал в него с мышлением. Без мыслящего рассмотрения он мог бы, конечно, *созерцать* существ элементарного мира, но ни об одном из них не мог бы действительно знать, что оно такое. Он был бы подобен человеку, стоящему перед письменами, которые он не может прочесть; такой человек видит своими глазами в точности то же самое, что видит и способный прочесть эти письмена, но значение и сущность они имеют только для последнего.

Однако во время своего пребывания в элементарном мире сверхчувственное сознание развивает мыслительную деятельность, совершенно отличную от той, которая протекает в чувственном мире. Это бывает скорее так, что мыслящее существо — например, человек — при правильном видении элементарного мира воспринимает одновременно также и значение его существ и сил, тогда как немыслящее существо восприняло бы только образы, без их значения и сущности.

При своём вступлении в духовный мир душа приняла бы, например, ариманических существ — если бы они были увидены ею не как мыслящим существом — за нечто совсем иное, отличное от того, что они есть на самом деле. Точно так же обстоит дело и с люциферическими и другими существами духовного мира. Человек видит ариманических и люциферических существ такими, каковы они есть по своей сути, если он рассматривает их из духовного мира ясновидческим взором, окрепшим благодаря мышлению.

Если бы душа не вооружилась достаточной силой мышления, то люциферические существа при созерцании их из духовного мира овладели бы миром ясновидческих образов и вызвали бы в созерцающей душе иллюзию, будто она всё глубже и глубже про-

никает в искомый ею духовный мир, между тем как на самом деле она всё глубже погружалась бы в тот мир, который люциферические силы пытаются создать как тождественный с их существом. Правда, душа чувствовала бы себя всё более самостоятельной, но она вживалась бы в духовный мир, не соответствующий её существу и её первооснове. Она вступала бы в чуждое ей духовное окружение. — Чувственный мир скрывает таких существ, как люциферические. Поэтому в пределах чувственного мира они не могут вводить сознание в обман. Они для него просто не существуют. И сознание имеет возможность, не подвергаясь обману с их стороны, достаточно укрепиться мыслительно. К инстинктивным особенностям здорового сознания принадлежит то, что оно лишь постольку *хочет* вступить в духовный мир, поскольку для прозрения в него оно достаточно укрепило себя в мире чувственном. Сознание привязано к тому роду переживания, посредством которого оно может переживать себя в чувственном мире. Оно чувствует себя в своей стихии, когда может переживать себя в самом себе, с теми мыслями, чувствами, аффектами и т. д., которыми оно обязано чувственному миру. То, в какой степени сознание привязано к этому переживанию, особенно сильно выявляется в тот момент, когда совершается действительное вступление в сверхчувственные миры. Подобно тому как в особые моменты своей жизни человек цепляется за дорогие воспоминания, так при вступлении в сверхчувственные миры необходимо поднимаются, словно из глубин души, все наклонности, к каким человек вообще только способен. Тогда он замечает, в какой степени он в сущности привязан к жизни, связывающей его с чувственным миром. Эта привязанность выявляется тогда во всей своей истинности, без всяких иллюзий, которые человек создаёт себе обычно в жизни относительно этого факта. При вступлении в сверхчувственный мир человек приобретает — в качестве как бы первого сверхчувственного достижения — некоторую долю самопознания, о котором он прежде едва ли мог даже догадываться. При этом становится ясным, сколь многое должен он оставить позади себя, если хочет действительно сознательно вступить в тот мир, внутри которого он ведь на самом деле непрерывно находится. То, что он, сознательно или бессознательно, сделал из себя в чувственном мире как человек, с высочайшей отчетливостью выступает перед душевным взором. — Последствием этого переживания часто бывает то, что человек оставляет все дальнейшие попытки проникнуть в сверхчувственные миры. Ибо в связи с этим становится ясно, что для успешного пребывания в духовном мире необходимо сначала научиться иначе чувствовать, иначе ощущать. Нужно прийти к решению развить совершенно иной внутренний душевный строй, чем тот, что был раньше, или — другими словами — к достигнутому раньше необходимо присоединить ещё нечто иное, добиться иного.

Но тем не менее — что же собственно происходит в подобный момент вступления в сверхчувственный мир? Человек видит то существо, которым он был всегда; но теперь он видит его не из чувственного мира, из которого прежде всегда смотрел на него; он видит его из духовного мира, *без всяких иллюзий*, во всей его истинности. Видит его таким образом, что чувствует всего себя целиком пронизанным силами познания, которые в состоянии измерить духовную ценность этого существа. При таком саморассмотрении выявляется также, почему человек не без боязни решается сознательно вступить в сверхчувственный мир; выявляется та степень крепости, которой он обладает для этого вступления. Он видит, почему он, уже как существо сознательное, удерживает себя вдали от этого мира. И чем точнее наблюдает он себя таким образом, тем сильнее выступают и все наклонности, благодаря которым он стремится оставаться своим сознанием в чувственном мире. Повышенное сознание словно из потаённых глубин души извлекает на свет эти наклонности. *Необходимо познать их*; ибо лишь таким образом они преодолеваются. Но при их познании они ещё раз, совсем особым образом, доказывают свою силу. Они пытаются одолеть душу; она чувствует себя увлекаемой ими в

какие-то смутные глубины. Момент самопознания суров¹⁷. В мире слишком много философствуют и теоретизируют о самопознании. Душевный взор скорее отвлекается этим от той серьёзности, которая связана с самопознанием, чем приближается к ней. Но, несмотря на всю эту серьёзность, какое удовлетворение можно почерпнуть в мысли о таком устройстве человеческой натуры, при котором сами её инстинкты побуждают не вступать в духовный мир прежде, чем она сможет развить в себе достаточную степень зрелости, выражающуюся в переживании самой себя! Какое удовлетворение в том, что изначально самая значительная встреча с существом сверхчувственного мира есть встреча со своим собственным существом во всей его истинности, — тем существом, которое человек должен вести затем далее в развитии человечества!

Можно сказать: в человеке таится существо, заботливо стоящее на страже у пограничной черты, которую он должен перешагнуть при вступлении в сверхчувственный мир. Это тающееся в человеке духовное существо, которое есть он сам, но которое он не может познать обычным сознанием, подобно тому как глаз не может видеть самого себя, есть «*Страж у порога*»¹⁸ в духовный мир. Человек учится познавать его в такой момент, когда он не только сам фактически является этим существом, но и, как бы предстоя перед ним, стоит *напротив него*, словно кто-то другой.

«Стража порога», как и другие переживания сверхчувственных миров, делают зримым усиленные, окрепшие в самих себе душевные способности. Но если оставить в стороне тот факт, что для ясновидческого духовного взора встреча со «Стражем» поднимается до степени знания, то эта встреча вовсе не является таким событием, которое наступает только для человека, ставшего духовидцем. С таким же положением вещей сталкивается человек всякий раз при засыпании, и это предстояние перед самим собой, которое суть то же самое предстояние перед «Стражем порога», продолжается всё время, пока длится сон. Во сне душа восходит к своему сверхчувственному существу. Но только её внутренние силы не бывают тогда достаточно крепки, чтобы пробудить в ней сознание себя самой. —

Для понимания сверхчувственного переживания, в особенности в его тонких и нежных начальных стадиях, очень важно обратить душевное внимание на то, что душа может начать переживать сверхчувственное, не будучи в состоянии составить себе о нём какое-либо отчётливое знание. Сначала ясновидение появляется в очень тонкой форме. И человек, часто ожидая увидеть что-то почти осязаемое, не обращает внимания на проскальзывающие ясновидческие впечатления. Он вовсе не желает признавать их за таковые. Тогда они появляются в такой форме, что уже при самом своём появлении подготавливают эту возможность забыть их; они так слабо вступают в поле сознания, что остаются совершенно незаметными, подобно лёгким душевным облачкам. По этой причине, а также и потому, что от духовного созерцания обычно ожидают не того, чем оно поначалу бывает, а чего-то совсем иного, многие серьёзные искатели духовного мира не находят его. — В этом отношении также очень важна встреча со «Стражем порога». Если человек укрепил свою душу именно в этом направлении самопознания, то хотя эта встреча и была бы подобна только первому, нежному и мимолетному проблеску духовного видения, она всё-таки не так легко поддаётся забвению, как другие сверхчувственные впечатления, ибо в своём собственном существе человек бывает сильнее заинтересован, нежели в чём-либо другом. — Но совершенно не обязательно, чтобы встреча со «Стражем» была одним из первых сверхчувственных переживаний. Укрепление души может происходить в различных направлениях. И первые направления, которые усваивает себе душа, могут и до этой встречи ввести в её духовный кругозор

¹⁷ ernster

¹⁸ «Hüter an der Schwelle»

других существ или другие события. Однако относительно скоро после вступления в сверхчувственный мир произойдет и эта встреча.

О чувстве «Я» и способности человеческой души к любви и об их отношениях к элементарному миру

Когда душа человека сознательно вступает в элементарный мир, она видит себя вынужденной изменить многие представления, приобретённые ею в чувственном мире. Если душа соответствующим образом укрепит свои силы, она станет способной и к этой перемене. Но если её отпугнёт эта работа над своим укреплением, то при вступлении в элементарный мир ею может овладеть чувство потери всякой твердой почвы, на которой она должна строить свою внутреннюю жизнь. Представления, приобретаемые в физически-чувственном мире, лишь до тех пор служат препятствием к вступлению в элементарный мир, пока человек хочет удержать их точно такими, какими он выработал их в чувственном мире. Но для этого нет никакого иного основания, кроме *привычки* души. Вполне естественно, что сознание, живущее сначала *только* с чувственным миром, привыкает считать единственно возможным тот образ своих представлений, который формируется в чувственном мире. И это даже более чем естественно: это *необходимо*. Душевная жизнь никогда не пришла бы к своей внутренней замкнутости, к необходимой крепости, если бы в чувственном мире не было развито такое сознание, которое в известном отношении живёт в застывших, строго принудительных для него представлениях. Благодаря всему, что может дать совместная с чувственным миром жизнь, душа и бывает потом в состоянии вступить в элементарный мир, не теряя в нём своей самостоятельности, своего замкнутого в себе существа. Этого укрепления, усиления душевной жизни необходимо достигнуть, чтобы при вступлении в элементарный мир душа не только обладала этой самостоятельностью как бессознательным качеством, но и могла ясно удерживать её в сознании. Если душа слишком слаба для сознательного переживания элементарного мира, то при вступлении в него она теряет эту самостоятельность, подобно тому как ускользает мысль, слишком слабо запечатлённая в душе, чтобы продолжать жить как отчётливое воспоминание. В сущности, душа тогда вообще не может вступить в сверхчувственный мир со своим сознанием. При попытке вступить в этот мир существо, которое в ней живёт и которое может быть названо «Стражем порога», всё снова отбрасывает её назад в мир чувственный. И если при этом ей удаётся как бы отведать того мира, так что после своего обратного погружения в чувственный мир у неё остаётся в сознании кое-что от мира сверхчувственного, то подобная добыча из другой области нередко вызывает у неё спутанность в жизни представлений. — Опасность впадения в подобную спутанность совершенно устраняется, если обратить особое внимание на соответствующее развитие здоровой силы суждения¹⁹, как она может быть выработана в чувственном мире. — Благодаря такому укреплению способности суждения развивается правильное отношение души к событиям и существам сверхчувственных миров. Чтобы сознательно жить в этих мирах, душе необходимо иметь в себе стремление, которое в чувственном мире не может раскрыться с той силой, с какой оно выступает в сверхчувственных мирах. Это стремление *отдать* тому, что переживаешь. Нужно уметь окунуться в переживание, уметь слиться с ним *воедино*; необходимо довести это до такой степени, чтобы узреть себя вне своего собственного существа и почувствовать себя внутри другого существа. Совершается *пре-*

¹⁹ Urteilkraft

вращение собственного существа в другое, участвующее в переживании. Не обладая этой способностью к превращению, нельзя пережить в сверхчувственных мирах ничего истинного. Ибо всякое переживание основано на том, что человек приходит к сознанию: теперь ты изменился «вот таким определённым образом», так что ты со всей полнотой жизни пребываешь воедино с существом, которое своей природой «таким-то именно образом» преобразует твою природу. Это превращение себя, это вчувствование в других существ и есть жизнь в сверхчувственных мирах. Через это вживание человек учится познавать события и существ этих миров. Таким путём он замечает ту или иную родственность с одним существом, и большую, согласно собственной природе, отдалённость от другого. Возникают градации душевных переживаний, которые — особенно для элементарного мира — следует обозначить как симпатии и антипатии. Благодаря встрече, например, с каким-либо существом или событием элементарного мира, человек чувствует себя так, что в его душе всплывает переживание, которое можно обозначить как симпатию. В подобном переживании симпатии познаётся природа элементарного существа или события. Только не нужно представлять себе, что при этих переживаниях симпатии и антипатии речь идёт лишь об их силе или степени. При переживании симпатий и антипатий в физически-чувственном мире дело в определённом смысле обстоит так, что говорят *только* о более сильной или более слабой симпатии или антипатии. В элементарном же мире симпатии и антипатии различаются не только по своей силе, но ещё и так, как в чувственном мире отличаются друг от друга, например, цвета. И как мы переживаем многоцветный чувственный мир, так же можно пережить и многообразно исполненный симпатий или антипатий элементарный мир. При этом важно учитывать ещё и то, что для элементарного царства «антипатичное» *не* имеет этого привкуса внутреннего отвращения от него; антипатичным следует просто обозначить такое качество элементарного существа или события, которое к симпатичному качеству другого события или существа относится приблизительно так, как, например, в чувственном мире синий цвет — к красному.

Можно говорить о некоем «чувстве» элементарного мира, которое человек может пробудить в своём эфирном теле. В элементарном мире это чувство способно воспринимать симпатии и антипатии подобно тому, как в чувственном мире глаз воспринимает цвета, ухо — звуки. И как в чувственном мире один предмет бывает красным, а другой синим, так и существа элементарного мира излучают для духовного зрения: одни — определённый род симпатий, другие — определённый род антипатий.

Это переживание элементарного мира через симпатии и антипатии опять-таки не есть нечто, впервые возникающее только для сверхчувственно пробуждённой души; оно *всегда* существует для каждой человеческой души; оно принадлежит к существу человеческой души. Только в обычной душевной жизни знание об этой сущности человека остаётся нераскрытым. Человек несёт в себе своё эфирное тело; и через него он многообразно связывается с существами и событиями элементарного мира. В определённый момент своей жизни он бывает одним образом вплетён в элементарный мир симпатиями и антипатиями, в другой момент — иначе.

Но как эфирное существо душа не может непрерывно жить таким образом, чтобы в ней отчётливо выражалось действие симпатий и антипатий. Подобно тому как в чувственном бытии состояние бодрствования должно сменяться состоянием сна, так и в элементарном мире переживанию симпатий и антипатий должно противопоставляться другое состояние. Душа может отрешаться от всех симпатий и антипатий и переживать в самой себе только *себя*, быть обращённой только к своему собственному бытию, чувствовать только его. Более того, это чувство может достигнуть такой силы, что можно говорить о «волеии» своего собственного существа. Дело здесь идёт о таком состоянии душевной жизни, которое нелегко описать, потому что в своей чистой, изначальной природе оно похоже в чувственном мире только на сильное, чистое душевное

чувство «Я», или самого себя. Для элементарного мира это состояние можно описать таким образом, что по отношению к необходимой отдаче себя переживаниям симпатии и антипатии душа чувствует побуждение сказать себе: я *хочу* быть всецело *только* для себя, только *в себе*. И через некоторый род *развёртывания воли*²⁰ душа отрывается от состояния отдачи себя элементарным переживаниям симпатий и антипатий. Для элементарного мира эта жизнь в себе²¹ есть в некотором роде состояние сна, между тем как отдача себя событиям и существам есть состояние бодрствования. — Когда человеческая душа бодрствует в элементарном мире и развивает волю к самопереживанию, то есть ощущает потребность в «элементарном сне», то она может обрести его, возвращаясь со вполне развитым чувствованием самой себя в бодрственное состояние чувственного переживания. Ибо это проникнутое чувствованием самой себя переживание в чувственном мире как раз и есть элементарный сон. Он заключается в отрыве души от элементарных переживаний. Это буквально верно: для сверхчувственного сознания жизнь души в чувственном мире есть духовный сон.

Когда при *правильно развитом* духовном восприятии у человека наступает пробуждение в сверхчувственном мире, то у него остаётся воспоминание о переживаниях души в мире чувственном. Это воспоминание должно присутствовать у него, иначе в ясновидческом сознании присутствовали бы всякие другие существа и события, но не собственное существо. Тогда у человека не было бы знания о себе; он не жил бы сам духовно; в душе жили бы другие существа и события. Приняв это во внимание, легко понять, что правильно развитое ясновидение должно придавать большое значение выработке сильного «чувства Я». Развивая это «чувство Я» при ясновидении, человек не развивает ничего такого, что приходит в душу только через ясновидение; он учится познавать только то, что всегда существует в глубинах души, но что остаётся неосознанным для обычной душевной жизни, протекающей в чувственном мире.

Сильное «чувство Я» существует *не* благодаря эфирному телу как таковому, но благодаря душе, переживающей себя в физически-чувственном теле. Если из своего переживания в чувственном мире душа не привнесёт его в ясновидческое состояние, то она скоро убедится в своей недостаточной подготовленности для переживания в элементарном мире.

Для человеческого сознания в чувственном мире существенно, чтобы самоощущение души (её переживание «Я»), хотя оно и должно присутствовать, было всё-таки приглушено²². Благодаря этому душа имеет возможность в пределах чувственного мира пройти школу благороднейшей нравственной силы — *сочувствия*²³. Нравственные представления и устремления не могли бы развиваться правильным образом, если бы в сознательные переживания души в чувственном мире вторгалось сильное «чувство Я». Они не могли бы взрастить плода *любви*. Отдачу себя, это естественное стремление элементарного мира, не следует отождествлять с тем, что в человеческом переживании обозначается как любовь. Происходящая в элементарном мире отдача себя покоится на переживании *себя* в другом существе или событии; *любовь* же есть переживание другого в собственной душе. Чтобы развить это переживание, нужно как бы набросить в душе покров на живущее в её глубинах самоощущение (переживание «Я»); и в душе, в которой приглушено чувство её собственных сил, возникает благодаря этому чувствование в себе²⁴ страданий и радостей другого существа; зарождается любовь, из которой произрастает истинная нравственность в жизни человека. Любовь есть для человека

²⁰ Willensentfaltung

²¹ In-sich-Leben

²² abgedämpft

²³ Mitgefühl

²⁴ In-sich-Fühlen

самый значительный плод переживания в чувственном мире. Если проникнуть в сущность любви и сочувствия, то можно постичь, как воистину изживается в чувственном мире духовное. Здесь было сказано, что к сущности сверхчувственного принадлежит превращение в другого. Когда в человеке, живущем чувственно-физической жизнью, духовное так преобразуется, что оно приглушает «чувство Я» и оживает как любовь, то это духовное остаётся верным своим собственным, присущим элементарному миру, законам. Можно сказать, что со сверхчувственным сознанием человеческая душа пробуждается в духовном мире; но нужно точно так же сказать, что *в любви духовное пробуждается в чувственном мире*. Где оживает любовь, где оживает сочувствие, там ощущается волшебное веяние духа, пронизывающего собою чувственный мир. — Поэтому сочувствие и любовь никогда не могут быть притуплены правильно развитым ясновидением. Чем правильнее вживается душа в духовные миры, тем больше ощущает она отсутствие любви и недостаток сочувствия как отречение от самого духа. —

Опыты становящегося созерцающим²⁵ сознания являют нам относительно выше-сказанного совершенно особые, своеобразные черты. Между тем как «чувство Я» — будучи, однако, необходимым для переживания в сверхчувственных мирах — легко приглушается, оставаясь часто лишь слабым, угасающим мысленным воспоминанием, — чувства ненависти, бессердечности, безнравственные влечения именно после вступления в сверхчувственный мир становятся могучими переживаниями души; они встают перед душой как ожившие упреки, становятся отвратительно действующими образами. Чтобы не мучиться тогда этими образами, сверхчувственное сознание часто стремится найти облегчающее средство²⁶: оно оглядывается в поиске духовных сил, ослабляющих впечатления от этих образов. Но при этом душа сама проникается этими силами, пагубно действующими на приобретённое ясновидение. Они гонят его прочь от благих областей духовного мира и направляют к дурным.

С другой стороны, истинная любовь, подлинное благоволение²⁷ — это такие переживания души, которые укрепляют силы сознания в необходимом для вступления в ясновидение смысле. Когда говорится, что душе необходима известная подготовка, прежде чем для неё станут возможны опыты в сверхчувственном мире, то к этому можно добавить, что к многообразным средствам подготовки относятся также истинная способность к любви, склонность к подлинному человеческому благоволению и сочувствию.

В чувственном мире чрезмерно развитое «чувство Я» противодействует нравственности. Вследствие же слишком слабо развитого «чувства Я» душа, фактически одолеваемая в элементарном мире бурями симпатий и антипатий, лишается внутренней уверенности и замкнутости. Эти последние могут быть присущи ей лишь в том случае, если на эфирное тело — которое в обычной жизни остаётся неосознанным — воздействует из чувственно-физического переживания достаточно сильное «чувство Я». Но для развития подлинно нравственного настроения души необходимо, чтобы это «чувство Я», хотя оно и должно присутствовать, было бы всё-таки приглушено склонностями к сочувствию и любви.

²⁵ schauend

²⁶ Auskunftsmittel

²⁷ Wohlwollen

О границе между чувственным миром и сверхчувственными мирами

Для познания соотношения между различными мирами надо принять во внимание, что сила, долженствующая в одном мире развивать действие в согласии со смыслом мирового порядка, может затем, проявляясь в другом мире, направиться *против* этого мирового порядка. Так, для существа человека необходимо, чтобы в его эфирном теле имелись обе эти противоположные силы: способность к превращению в других существ и сильное «чувство Я», или самоощущение²⁸. Обе эти силы человеческой души не могут развёртываться ею в чувственном бытии без некоторого приглушения. В элементарном мире они присутствуют таким образом, что, взаимно уравновешивая друг друга, делают возможным человеческое существование, подобно тому как сон и бодрствование в чувственном мире делают возможной человеческую жизнь. Взаимоотношение этих двух противоположных сил никогда не может быть там таким, чтобы одна погасила другую, но необходимо, чтобы обе развивались и действовали друг на друга уравновешивающим образом. — «Чувство Я» и способность к превращению могут действовать друг на друга указанным образом только в элементарном мире; посылать своё воздействие в чувственный мир в согласии с мировым порядком может лишь то, что является результатом взаимоотношения и совместного действия обеих сил. Если бы та степень способности к превращению, которую человек *должен* иметь в своём эфирном теле, действовала в чувственном бытии, то человек чувствовал бы себя душевно как нечто, чем он в соответствии со своим физическим телом не является. Физическое тело даёт человеку в чувственном мире устойчивую форму, благодаря которой он поставлен в этот мир как определённое личностное существо²⁹. Но не так поставлен он в элементарный мир своим эфирным телом. Чтобы мочь в этом мире быть в полном смысле человеком, он должен уметь принимать в нём многообразнейшие формы. Если бы он этого не мог, он был бы обречён в элементарном мире на полное одиночество; он не мог бы ни о чём знать, кроме как о самом себе; он не чувствовал бы родства ни с одним существом, ни с одним событием. Но для элементарного мира это было бы равнозначным тому, что для такого человека не существовало бы соответствующих существ и событий. — А если бы душа человека развила в чувственном мире необходимую ей для элементарного мира способность к превращению, она утратила бы своё личностное существо. Такая душа жила бы в противоречии с самой собой. Для физического мира способность к превращению должна быть силой, покоящейся в душевных глубинах, — такой силой, которая даёт душе её основное настроение, но которая развивается не в чувственном мире. — Сверхчувственное сознание должно уметь вживаться в способность к превращению; без этого оно не могло бы производить никаких наблюдений в элементарном мире. Так сверхчувственное сознание усваивает себе способность, которую оно должно применять лишь до тех пор, пока оно сознаёт себя в элементарном мире, но которую оно должно подавить, как только оно снова возвращается в чувственный мир. Сверхчувственное сознание должно постоянно соблюдать *границу* между обоими мирами; в чувственном мире оно не должно проявляться деятельно со способностями, соответствующими сверхчувственному миру. Если бы, сознавая себя в чувственном мире, душа позволила действовать способности к превращению, присущей её

²⁸ Selbstgefühl

²⁹ bestimmtes persönliches Wesen

эфирному телу, то обычное сознание наполнилось бы представлениями, не отвечающими ни одному существу в чувственном мире. Душа пришла бы к спутанности в жизни представлений. Соблюдение *границы* между мирами является необходимой предпосылкой для правильного действия сверхчувственного сознания. — Кто хочет достичь сверхчувственного сознания, должен позаботиться о том, чтобы благодаря знанию о сверхчувственных мирах не вкралось никаких помех в его обыкновенное сознание. — Познакомившись со «Стражем порога», человек узнаёт, как обстоит дело с его душой в чувственном мире, достаточно ли она сильна, чтобы устранить³⁰ из чувственно-физического сознания те силы и способности сверхчувственных миров, которые в нём не должны быть действительны. Если человек вступит в сверхчувственный мир без самопознания, даруемого «Стражем порога», то переживания этого мира могут взять верх над ним. Эти переживания могут проникнуть в физически-чувственное сознание в виде иллюзорных образов. Тогда они принимают характер чувственных восприятий; и неизбежным следствием этого является то, что душа принимает их за действительность, которой они между тем не являются. Правильно развитое ясновидение никогда не примет образы элементарного мира за действительность в том смысле, в каком физически-чувственное сознание необходимо принимает за действительность переживания чувственного мира. Образы элементарного мира приводятся в правильную связь с действительностью, которой они соответствуют, только посредством способности души к превращению.

Также и вторая необходимая для эфирного тела сила — сильное «чувство Я» — не должна в пределах чувственного мира вторгаться в жизнь души такой, какой ей подобает быть в элементарном мире. В противном случае она становится в чувственном мире источником безнравственных наклонностей, поскольку последние связаны с эгоизмом. — В этом пункте духовная наука в своём исследовании мира находит происхождение «зла» в человеческих поступках. Это было бы непониманием мирового порядка, если бы мы отдались вере, что этот мировой порядок может существовать и без сил, образующих источник зла. Не будь этих сил, эфирное существо человека не могло бы развиваться в элементарном мире. Эти силы суть совершенно добрые³¹, когда они действуют *только* в элементарном мире; они создают зло тем, что не остаются в покое в глубинах души, регулируя там отношение человека к элементарному миру, но переносятся в душевное переживание в чувственном мире и этим превращаются в эгоистические побуждения. Тогда они действуют противоположно способности любви, и тем самым становятся источниками безнравственных поступков.

Если сильное «чувство Я» переходит из эфирного тела в физическое, то это приводит не только к усилению эгоизма, но также и к *ослаблению* эфирного тела. Сверхчувственное сознание должно открыть, что необходимое при вступлении в сверхчувственный мир «чувство Я» тем слабее, чем сильнее эгоизм при переживании в чувственном мире. Эгоизм делает человека в его душевных глубинах не сильным, а слабым. — И когда человек проходит через врата смерти, то действие эгоизма, который был развит в жизни между рождением и смертью, сказывается в том, что он делает душу слабой для переживаний сверхчувственного мира.

³⁰ verbannen

³¹ gute

О существах миров духа

Когда душа со сверхчувственным сознанием вступает в сверхчувственный мир, она познаёт себя в нём так, что в чувственном мире о способе этого познания она не может составить никакого представления. Она обнаруживает, что с помощью своей способности к превращению она познаёт существ, имеющих с ней большую или меньшую степень сродства; но она замечает также, что в сверхчувственном мире она встречается с существами, которые ей не только родственны, но с которыми ей ещё необходимо себя сопоставить³² для того, чтобы познать себя. И далее она делает наблюдение, что эти существа сделались в сверхчувственных мирах тем же самым, чем стала и она в чувственном мире благодаря своим переживаниям и опытам. Перед душой человека выступают в элементарном мире существа, развившие в пределах *этого* мира такие силы и способности, которые сам человек может развить лишь благодаря тому, что кроме эфирного тела и других сверхчувственных членов своего существа он имеет ещё и физическое тело. Указанные здесь существа не имеют подобного физически-чувственного тела. Они развились таким образом, что ту душевную сущность, которую человек имеет благодаря физическому телу, они имеют благодаря своему эфирному телу. Хотя они — существа до известной степени сходные³³ с человеком, однако они отличаются от него тем, что не подчинены условиям чувственного мира. Они не имеют таких органов чувств, какие есть у человека. Их знание подобно человеческому знанию; но они приобрели его не благодаря чувственным восприятиям, а путём своего рода подъёма представлений и других душевных переживаний из глубин собственного существа. Их внутренняя жизнь как бы заложена в них; и они извлекают её из своих душевных глубин, подобно тому как человек извлекает из своих душевных глубин представления своих воспоминаний.

Так познаёт человек существ, которые в сверхчувственном мире стали тем, чем он может стать в мире чувственном. В этом отношении эти существа стоят в мировом порядке на одну ступень выше человека, хотя они и могут быть названы в указанном смысле сходными с ним. Они образуют царство существ, стоящее над человеком, следующую за ним в последовательности существ иерархию. Их эфирное тело — несмотря на схожесть — отлично от эфирного тела человека. Между тем как человек через симпатии и антипатии своего эфирного тела включён³⁴ в сверхчувственное тело Земли, эти существа своей душевной жизнью не привязаны к Земле. —

Наблюдая то, что переживают эти существа при помощи своего эфирного тела, человек находит их переживания подобными тем, какие имеет и он сам в своей душе. У них есть мышление; у них есть чувства и воля. Но они развивают посредством эфирного тела то, что человек может развить только через физическое тело. Посредством своего эфирного тела они приходят к сознанию своего собственного существа. Человек ничего не мог бы знать ни о каком сверхчувственном существе, если бы не возносил в сверхчувственные миры свои силы, которые он приобретает в физически-чувственном теле. — Сверхчувственное сознание познаёт этих существ благодаря тому, что оно становится в человеке способностью наблюдения при помощи эфирного тела. Это сверхчувственное сознание поднимает душу человека в тот мир, где обитают и действуют

³² vergleichen

³³ gleichartige

³⁴ einverbunden

эти существа. Только когда душа переживает самоё себя в этом мире, в её сознании выступают образы (представления), сообщающие ей познание об этих существах. Ибо *эти* существа не воздействуют непосредственно на физический мир, а вместе с тем и на физически-чувственное тело человека. Для всех переживаний, которые могут быть получены благодаря этому телу, их не существует. Они — духовные (сверхчувственные) существа, которые в некотором роде не вступают в чувственный мир. — Если человек не соблюдает границу между чувственным и сверхчувственным мирами, то может случиться так, что он внесёт в своё физически-чувственное сознание сверхчувственные образы, не являющиеся истинным выражением для этих существ. Эти образы возникают благодаря переживанию ариманических и люциферических существ, которые хотя и одного рода с только что описанными сверхчувственными существами, однако, в противоположность им, перенесли место своего обитания и своей деятельности в мир, воспринимаемый человеком как мир чувственный.

Когда человек благодаря переживанию «Стража порога» научился правильно соблюдать границу между сверхчувственным миром и чувственным бытием, то, наблюдая сверхчувственным сознанием из сверхчувственного мира люциферических и ариманических существ, он познаёт этих существ в их истинности. Он учится отличать их от других духовных существ, оставшихся в пределах той арены деятельности, которая отвечает их природе. С этой точки зрения должна духовная наука описывать люциферических и ариманических существ. Тогда относительно люциферических существ оказывается, что подобающей им ареной их деятельности является не физически-чувственный мир, а в некотором отношении мир элементарный. Когда в человеческую душу проникает то, что поднимается в этом мире — как бы из его потоков — как образы, и эти образы действуют оживляюще в эфирном теле человека, не принимая в душе иллюзорного бытия, тогда в этих образах может присутствовать люциферическое существо, не нарушая своими действиями мирового порядка. Тогда это люциферическое существо действует *освобождающе* на душу человека; оно возвышает её над погружённостью в чувственный мир. Но если душа человека вовлекает в физически-чувственный мир ту жизнь, которую она должна развивать в одном *только* элементарном мире, если она позволяет чувствованию в физическом теле находиться под влиянием симпатий и антипатий, которым надлежало бы господствовать только в эфирном теле, то благодаря такой душе люциферическое существо приобретает влияние, восстающее против всеобщего мирового порядка. Это влияние присутствует везде, где в симпатиях и антипатиях чувственного мира действует что-либо иное, кроме любви, основанной на сочувствовании жизни другого существа, пребывающего в этом чувственном мире. Такое существо может быть любимо, предстоя перед любящим с теми или иными своими качествами; тогда к любви не может примешаться никакого люциферического элемента. Любовь, имеющая своё основание в проявляющихся в чувственном бытии качествах самого любимого существа, остаётся в стороне от люциферического воздействия. Между тем как любовь, имеющая своё основание не в любимом существе, а в том, кто любит, подвержена люциферическому влиянию. Если человек любит какое-нибудь существо потому, что оно обладает качествами, к которым он как любящий склонен по своей природе, то он любит его той частью души, которая доступна люциферическому элементу. — Поэтому никогда не следовало бы говорить, что люциферический элемент есть нечто при всех обстоятельствах злое. Ибо это в духе люциферического элемента: душа человека должна любить события и существ сверхчувственных миров. Против мирового порядка грешат только тогда, когда направляют на чувственное тот род любви, который должен был бы влечь к сверхчувственному. Любовь к сверхчувственному вполне правильно вызывает в любящем повышенное самоощущение; любовь же, которую ищут в чувственном мире ради этого повышенного самоощущения, отвечает лю-

циферическому искушению. Любовь к духовному, когда её ищут ради самости³⁵, действует *освобождающе*; любовь же к чувственному, когда к ней стремятся ради самости, не действует освобождающе, но достигаемым ею удовлетворением она создаёт оковы для самости.

Влияние ариманических существ сказывается на мыслящей душе, подобно тому как влияние люциферических — на чувствующей. Ариманические существа приковывают мышление к чувственному миру. Они отвлекают его от того факта, что все мысли только тогда имеют значение, когда они проявляются как часть великого мирового мыслительного порядка, который не может быть найден в чувственном бытии. В мире, в который погружена душевная жизнь человека, должен присутствовать ариманический элемент как необходимый противовес люциферическому. Без люциферического элемента душа прогрезила бы всю жизнь в лицезнении чувственного бытия и не ощущала бы побуждения подняться над ним. Без противодействия ариманического элемента душа подпала бы люциферическому; она бы очень низко ставила значение чувственного мира, несмотря на то, что в нём находится часть необходимых условий её существования. Она бы ничего не хотела знать о чувственном мире. Ариманический элемент играет правильную роль в душе человека, когда он ведёт к такому вживанию в чувственный мир, которое соответствует этому миру, — когда последний принимают за то, что он есть, и могут обойтись без него во всём, что в нём, по природе его, должно быть преходящим. — Совершенно невозможно говорить о желании избежать люциферического и ариманического элементов путём искоренения их в себе. Если бы человек искоренил в себе люциферический элемент, ему больше невозможно было бы стремиться душой к сверхчувственному; а если бы он искоренил ариманический элемент, он не мог бы больше правильно относиться к чувственному миру и оценивать всё его значение. Человек ставит себя в верное отношение к одному из этих элементов, создавая ему правильный противовес в другом. Все вредные воздействия этих мировых существ происходят единственно из того, что они проявляются там или здесь без ограничений и не приводятся к надлежащей гармонии с помощью противоположной силы.

³⁵ um des Selbstes

О духовных мировых существах

Оживая в элементарном мире, ясновидческое сознание обнаруживает в нём существ, которые могут развить там такую жизнь, какую человек приобретает только в чувственном мире. Эти существа чувствуют самих себя — своё «Я» — не так, как чувствует его человек в чувственном мире; они гораздо больше, чем человек, пронизывают это «Я» своим *волеием*; они *волят себя*. Они ощущают своё бытие как нечто такое, что они сами, своею волею дают себе. Зато по отношению к своему мышлению у них нет того чувства, что они производят свои мысли, как производит их человек; все свои мысли они чувствуют как приходящие извне, как нечто такое, что находится не в них, а в мире, и что из мира излучается в их существо. Таким образом, для этих существ никогда не может возникнуть сомнения в том, что их мысли суть отражения излитого над миром мысленного порядка. Они мыслят *не свои* мысли; они *мыслят мысли мира*. Своим мышлением эти существа живут в мыслях мира; но самих себя они *волят*. Жизнь чувств слагается у них согласно этому их волеию и мышлению. Они чувствуют себя членами мирового целого; и они чувствуют необходимость волить себя в соответствии с этим мировым целым. —

Вживаясь в мир этих существ, духовно видящая душа приходит к согласному с природой³⁶ представлению о своём собственном мышлении, чувствовании и волеии. В пределах элементарного мира эти способности человеческой души не могли бы развиться в человеческом эфирном теле. В элементарном мире человеческое воление осталось бы лишь слабой, как бы сонной силой, а человеческое мышление — расплывчатым, мелькающим миром представлений. «Чувство Я» там вообще не могло бы возникнуть. Для всего этого человеку необходимо быть облечённым в физическое тело.

Восходя из элементарного мира в подлинный мир духа, ясновидящая душа человека переживает себя в условиях, которые ещё дальше, чем элементарные, отстоят от условий чувственного мира. В мире элементов³⁷ многое ещё напоминает чувственный мир. В духовном же мире человек стоит перед совершенно новыми условиями. Здесь ничего нельзя сделать, если иметь одни только те представления, которые можно выработать в чувственном мире. Тем не менее человеческой душе необходимо так укрепить в чувственном мире свою внутреннюю жизнь, чтобы она могла перенести из этого мира в духовный то, что делает возможным пребывание в последнем. Если бы человек не принёс с собой в мир духа окрепшую таким образом жизнь души, то в этом мире он просто впал бы в бессознательность. Тогда он мог бы присутствовать в нём только так, как присутствует, например, растение в чувственном мире. Как человеческая душа он должен принести с собой в духовный мир всё то, чего нет в чувственном мире, но что, однако, даёт в нём свидетельство о своём существовании. Нужно уметь составлять себе в чувственном мире представления, к которым он хотя и побуждает, но которые непосредственно не соответствуют в нём никакой вещи и никакому событию. Всё, что отражает ту или иную вещь в чувственном мире или описывает то или иное чувственное событие, лишено всякого значения в духовном мире. То, что можно воспринять чувствами, что можно очертить в понятиях, применимых в чувственном мире, не существует в мире духа. При вступлении в мир духа нужно как бы оставить позади себя всё, к чему применимы чувственные представления. Представления же, которые человек так обра-

³⁶ naturgemäßen

³⁷ Elementenwelt

зовал себе в чувственном мире, что они не соответствуют каким бы то ни было чувственным вещам или событиям, продолжают жить в душе и тогда, когда она вступает в духовный мир. Естественно, что среди этих представлений могут быть и такие, которые составлены ошибочно. Если они присутствуют в сознании при вступлении в духовный мир, то их собственный характер свидетельствует об их непринадлежности к нему. Они действуют так, что напечатлевают душе стремление вернуться в чувственный или элементарный мир, чтобы там заменить ошибочные представления верными. Навстречу же вносимым душой в духовный мир верным представлениям устремляется родственное; душа чувствует в духовном мире, что там присутствуют *существа*, которые всем своим внутренним бытием *таковы*, какими внутри неё самой бывают только мысли. Эти существа имеют тело, которое можно назвать телом мысли³⁸. В этом теле мысли они переживают себя самостоятельными существами, подобно тому как человек переживает себя самостоятельным в пределах чувственного мира. Среди представлений, которые приобретает себе человек, есть прежде всего некоторые пронизанные чувствами мысли, которые способны так укрепить жизнь души, что она может получить впечатление о существах духовного мира. Когда чувство отдачи себя, как оно должно быть развито в элементарном мире, вплоть до способности к превращению, бывает настолько обострено, что при этой отдаче себя человек чувствует то другое существо, в которое он превращается, не только симпатичным или антипатичным, но ещё и таким, что оно может во всем своём своеобразии ожить в отдающейся душе, тогда появляется способность восприятия духовного мира. Тогда одно духовное существо как бы говорит душе «таким», а другое — «иным» образом. И возникает духовное общение, состоящее в мысленной речи. Переживают мысли, но знают, *что в мыслях переживают существ*. Жить в существах, которые не только выражают себя в мыслях, но и присутствуют в мыслях своим собственным бытием, — значит жить душой в духовном мире.

По отношению к существам элементарного мира душа имеет такое чувство, что в собственное бытие этих существ излучаются мировые мысли и что они *волят* себя в соответствии с этим излучающимся в них мировым мышлением.

По отношению же к существам, которым не нужно спускаться до элементарного мира для достижения того, чего человек достигает лишь в чувственном мире, но которые достигают этой ступени бытия уже в духовном мире, душа человека имеет чувство, что эти существа состоят всецело из субстанции мысли, что мировые мысли не только излучаются в них, но что и сами существа своим собственным бытием живут в этом ткании мыслей. Они всецело предоставляют мировым мыслям жить в них и мыслить. Их *жизнь* протекает в восприятии этой речи мировых мыслей. И их *воление* заключается в том, что они могут *себя* мыслительно приводить к выражению³⁹. И это их мыслебытие сущностным образом действует обратно на мир. Мысли, которые суть существа, ведут беседу с другими мыслями, которые также являются существами.

Мыслительная жизнь человека есть отражение этой духовной жизни мыслесуществ⁴⁰. Во время, протекающее для человеческой души между смертью и новым рождением, она так же погружена⁴¹ в эту жизнь мыслесуществ, как в чувственном мире погружена в физическое существование. Когда путём рождения (зачатия) душа вступает в чувственное бытие, то непреходящее мыслесущество⁴² души действует так, что оно формирует, инспирирует судьбу этой души. Непреходящая часть души, перешедшая из

³⁸ Gedankenleib

³⁹ gedankenhaft zum Ausdruck bringen

⁴⁰ Gedankenwesen

⁴¹ einverwoben

⁴² Gedanken-Dauer-Wesenheit

земных жизней, предшествовавших настоящей, действует в человеческой судьбе таким же образом, как чистые живые мыслесущества действуют в мире.

Когда сверхчувственное сознание вступает в этот — духовный — мир живых мыслесущест, оно чувствует себя по отношению к чувственному миру в совершенно иных условиях. Этот чувственный мир предстаёт перед ним в духовном мире как «иной мир», подобно тому как в чувственном мире как иной предстаёт перед ним мир духовный. Но для духовного видения этот чувственный мир утратил всё, что может быть воспринято в нём в пределах чувственного бытия. Словно исчезли все качества, постигаемые органами чувств или связанным с чувствами рассудком. Зато с точки зрения духовного мира выясняется, что сама истинная, подлинная природа чувственного мира — духовна. Для взора души, наблюдающей из духовного мира, вместо прежнего чувственного мира выступают духовные существа, развивающие каждое свою деятельность, и притом так, что благодаря слиянию этих деятельностей возникает мир, который при восприятии внешними чувствами становится тем самым миром, который человек имеет перед собой в своём собственном чувственном бытии. Если смотреть из мира духа, то качества, силы, вещества и т. д. чувственного мира исчезают; выявляется, что они всего лишь видимость. Взирая из духовного мира, человек видит перед собой только существ. В этих существах заключается истинная действительность.

Подобным же образом обстоит дело и с элементарным миром. И в нём при взгляде из духовного мира также исчезает всё, что не является существом. И душа чувствует, что она и в этом мире имеет дело с существами, которые через слияние воедино своих деятельностей дают проявиться бытию, являющемуся посредством органов симпатии и антипатии как мир элементарный.

Существенная часть вживания в сверхчувственные миры заключается в том, что вместо состояний и качеств, которыми окружено сознание в чувственном мире, выступают *существа*. Сверхчувственный мир раскрывается наконец как мир существ; а то, что существует ещё помимо этих существ, — как выражение деяний этих существ. Но как деяния духовных существ являются также и миры чувственный и элементарный.

О первом зачатке физического тела человека

Выше в этой книге говорилось о бытии Луны и Солнца, предшествовавших бытию Земли. Лишь в пределах лунного бытия ясновидческое сознание ещё получает впечатления, напоминающие впечатления от жизни Земли. Но таких впечатлений оно уже больше не может получить, когда ясновидческий взор обращается назад к отдалённейшему солнечному бытию Земли. Это солнечное бытие уже всецело раскрывается как мир существ и деяний этих существ. Чтобы получить впечатление от этого солнечного бытия, нужно отдалиться от всех представлений, которые могут быть добыты в пределах минеральной и растительной жизни Земли. Ибо представления первого рода могут иметь значение только для познания прежних состояний самой Земли, а те, что добыты из области растительной жизни, — для давно прошедшего бытия Луны. К древнему солнечному бытию Земли приводят представления, которые могут быть пробуждены животным и человеческим царствами природы, но которые отнюдь не служат простым *отображением* того, что в существах этих царств является для внешних чувств.

Сверхчувственное сознание человека находит в эфирном теле действенные силы, которые слагаются в образы, служащие выражением того, как благодаря деятельности духовных существ в период бытия древнего Солнца эфирное тело получило свой первый зачаток в мировом становлении. Этот зачаток можно проследить и в его последующем развитии в течение периодов развития Луны и Земли. И можно увидеть, как он за это время изменился и благодаря этому изменению стал тем, что в настоящее время действительно проявляется как эфирное тело человека.

Физическое тело человека требует для своего понимания ещё другой деятельности человеческого сознания. Вначале оно является как внешний отпечаток эфирного тела. Но при точном наблюдении выясняется, что в чувственном бытии человек никогда не мог бы достичь полного раскрытия своего существа, если бы физическое тело было бы лишь только чувственно-физическим откровением эфирного тела. Конечно, в этом случае у человека могли бы быть определённые воление, чувствование и мышление; но они не могли бы быть объединены таким образом, чтобы в душе человека возникло сознание, выражающееся в «Я-переживании»⁴³. Это становится особенно ясным, когда сознание приобретает в своём развитии способность духовного видения. Для человека это «Я-переживание» может наступить изначально только в чувственном мире, когда он облечён своим физически-чувственным телом. И оттуда он может затем внести это переживание в элементарный и духовный миры и пронизать им свои эфирное и астральное тела. Ибо человек обладает такими эфирным и астральным телами, в которых первоначально не образуется «Я-переживание». Но у него есть физически-чувственное тело, в котором это переживание может наступить. Если же рассматривать физически-чувственное тело человека из духовного мира, то оказывается, что в нём есть нечто сущностное, не раскрывающееся во всей своей истинности даже при созерцании из этого духовного мира. При вступлении ясновидческого сознания в духовный мир душа вживается в мир мыслесущностного⁴⁴; однако «Я-переживание», каким оно может быть внесено в этот мир достаточно окрепшей душевной силой, соткано не из одних только мировых мыслей; в сфере мировых мыслей оно ещё не чувствует в своём окружении

⁴³ «Ich-Erlebnis»

⁴⁴ Gedanken-Wesenhaftigkeit

того, что являет ему некоторую тождественность с его собственной сущностью. Чтобы почувствовать таковую, душа должна продолжать свой путь в сверхчувственное ещё дальше. Она должна прийти к переживаниям, в которых она является покинутой даже и мыслями, так что все чувственные переживания и все переживания мышления, чувствования и воления остаются как бы позади неё на пути в сверхчувственное. Только тогда чувствует она себя единой с некоей сущностью⁴⁵, лежащей в основе мира таким образом, что она предшествует всему, что может наблюдать человек как чувственную, как эфирную и как астральную сущность. Тогда человек чувствует себя в ещё более высокой области, нежели уже знакомый ему прежде духовный мир. Этот мир, в котором себя может переживать только «Я», следует назвать сверхдуховным миром. При взгляде из этого мира и область мыслесущностного всё ещё является как внешний мир. Когда сверхчувственное сознание перемещается в сверхдуховный мир, оно получает опыт, который можно охарактеризовать нижеследующим образом. К этой характеристике можно прийти, прослеживая путь сверхчувственного сознания через различные ступени. Когда душа чувствует себя в своём эфирном теле, а окружающий её мир составляют элементарные события и существа, тогда она сознаёт себя вне физического тела; но это физическое тело остаётся перед ней как существо⁴⁶, хотя при рассмотрении извне оно и предстает изменённым. Оно как бы разделяется перед духовным взором на две части: на одну, являющуюся выражением деяний духовных существ, которые работали над ней с начала бытия Земли и до настоящего времени, и на другую, являющуюся выражением того, что уже существовало во время древнего, лунного состояния Земли. Таким это остаётся до тех пор, пока сознание переживает себя лишь в элементарном мире. В этом мире сознание может узнать, каким образом был сформирован человек как физическое существо во время древнего лунного состояния. Когда сознание вступает в духовный мир, от физического тела снова отделяется ещё одна часть, — та, которая была образована во время лунного состояния благодаря деяниям духовных существ. При этом остаётся другая часть, которая существовала как физическое существо человека уже во время солнечного состояния Земли. Но и от этого физического существа остается ещё нечто после того, как с точки зрения духовного мира в рассмотрение может быть принято всё, что совершилось во время солнечного периода благодаря деяниям духовных существ. Это оставшееся раскрывается только из сверхдуховного мира как деяния духовных существ. Оно раскрывается как уже существующее в начале солнечного периода. И нужно вернуться назад к состоянию Земли до её солнечного периода. В моём «Тайноведении» я попытался обосновать, почему это состояние земного бытия можно назвать «сатурническим состоянием» Земли. В этом смысле прежде своего бытия Солнцем Земля была «Сатурном». И во время этого состояния «Сатурна» из общего мирового процесса благодаря деяниям духовных существ возник первый зачаток физического человека. Затем во время последующих периодов Солнца, Луны и Земли благодаря присоединившимся деяниям других духовных существ этот зачаток был преобразован таким образом, что сформировалось современное физическое тело человека.

⁴⁵ Wesenhaftigkeit

⁴⁶ Wesenheit

Об «истинном Я» человека

Когда душа переживает себя в своём астральном теле и окружена живыми мыслесуществами, тогда она знает, что находится вне физического, а также и вне эфирного тела. Но тогда она чувствует также, что её мышление, чувствование и воление принадлежат ограниченной области мира, между тем как по своей подлинной сущности она могла бы охватить больше, чем ей дано охватить в этой области. Ставши ясновидящей, душа может сказать себе в духовном мире: В чувственном мире я ограничена в своих восприятиях моим физическим телом, тем, что оно мне позволяет наблюдать; в мире элементарном я ограничена эфирным телом; в мире духовном я ограничена тем, что я нахожусь как бы на мировом острове и чувствую моё духовное бытие только до его границ; по ту сторону этих границ лежит некий мир, который я могла бы воспринять, если бы мне удалось пробиться сквозь покров, сотканный перед моим духовным взором деяниями живых мыслесуществ. Душа может пробиться сквозь этот покров, если она будет всё дальше и дальше развивать в себе способность самоотдачи, необходимую ей уже для жизни в элементарном мире. Ей необходимо всё больше укреплять развиваемые благодаря переживаниям в физически-чувственном мире силы, чтобы в сверхчувственных мирах быть ограждённой от притупления, помрачения и даже уничтожения сознания. В физически-чувственном мире душе нужна лишь присущая ей уже просто естественным образом, без собственной душевной работы, сила, чтобы быть в состоянии переживать в себе мысли. В элементарном мире мысли приглушаются до уровня сновидческих переживаний, которые при своём возникновении тотчас же подпадают забвению, то есть вообще не осознаются, если перед своим вступлением в этот мир душа не поработала над укреплением своей внутренней жизни. Для этого она должна особенно укрепить силу воли, ибо в элементарном мире мысль уже не есть только мысль; она имеет внутреннюю подвижность, собственную жизнь. Необходимо удерживать её волей, иначе она ускользнёт из области сознания. В духовном же мире мысли являются совершенно самостоятельными живыми существами. Если душа хочет сохранить их в своём сознании, она должна достаточно окрепнуть, чтобы самой в своей внутренней глубине развить ту силу, которую в чувственном мире вырабатывает ей физическое тело, а в мире элементарном — симпатии и антипатии эфирного тела. От всего этого она должна отказаться в духовном мире. Переживания чувственного и элементарного миров присутствуют там для неё лишь как воспоминания. И сама она находится вне обоих этих миров. Вокруг неё находится духовный мир. Сначала он не производит никакого впечатления на астральное тело. Душа должна научиться жить сама по себе, своими воспоминаниями. Сначала содержание её сознания бывает лишь следующим: я существовала, а теперь я стою перед «ничто». Но когда воспоминания притекают из таких душевных переживаний, которые не являются просто отражениями чувственных или элементарных процессов, но представляют собою пробуждённые этими процессами свободные мысленные переживания, тогда в душе начинается мысленная беседа⁴⁷ между воспоминаниями и мнимым «ничто» духовного окружения. И то, что возникает как результат этой беседы, становится миром представлений в сознании астрального тела. Душе необходима в этой точке её развития такая сила, которая делает её способной стоять на берегу единственно знакомого ей доселе мира и выносить предстояние перед мнимым «ничто». Вначале для жизни души это мнимое «ничто» есть

⁴⁷ Gedankengespräch

вполне *подлинное* «*ничто*». Но всё-таки душа имеет позади себя в некотором роде мир своих воспоминаний. Она может как бы ухватиться за эти воспоминания. Она может жить в них. И чем больше она в них живёт, тем больше укрепляет силы астрального тела. Но с этим укреплением начинается беседа между её прошлым бытием и существами духовного мира. В этой беседе она учится чувствовать себя как астральное существо. Пользуясь выражением, отвечающим древним традициям, можно сказать: душа человека переживает себя в качестве астрального существа *внутри* Мирового Слова. Под Мировым Словом здесь подразумеваются мыследействия⁴⁸ живых мыслесуществ, совершающиеся как живые беседы духов в духовном мире. Но для духовного мира эти беседы духов суть то же самое, что для чувственного мира — поступки.

Если же душа хочет перейти в мир сверхдуховный, она должна своей собственной волей изгладить свои воспоминания из физического и элементарного миров. Это возможно для неё лишь в том случае, если из беседы духов она приобрела уверенность, что, уничтожив в себе всё, дававшее ей дотоле сознание её бытия, она не всецело утратит своё бытие. Душа должна действительно предстать перед духовной бездной и, стоя перед ней, принять в себя волевой импульс: забыть своё волнение, чувство и мышление. Она должна в своём сознании отказаться от своего прошлого. Это необходимое здесь решение можно назвать установлением полного сна сознания — но по собственной воле, а не благодаря условиям физического или эфирного тела. И это решение нужно понимать не в том смысле, что оно имеет целью после промежутка бессознательности вновь вызвать то же самое сознание, которое было и прежде, а в том смысле, что благодаря этому решению сознание сначала действительно по собственной воле погружается в забвение. Нужно принять во внимание, что этот процесс невозможен ни в физическом, ни в элементарном мире, а возможен только в мире духовном. В физическом мире возможно уничтожение, проявляющееся как смерть; в элементарном мире смерти нет. В той мере, в какой человек принадлежит к элементарному миру, он не может умереть; он может лишь превратиться в другое существо. В духовном мире в строгом смысле слова невозможно и полное превращение; ибо во что бы ни превратилось существо человека, в духовном мире пережитое прошлое раскрывается ему как его собственное, осознанное им бытие. Для того, чтобы это бытие в воспоминании исчезло, в духовном мире необходимо, чтобы душа сама, своим волевым решением погрузила его в забвение. Сверхчувственное сознание может прийти к этому волевому решению, если оно завоевало себе необходимую душевную крепость. Если оно достигает этого, то из вызванного им самим забвения перед ним всплывает истинная сущность «Я». Сверхдуховный окружающий мир даёт тогда душе человека знание об этом «истинном Я». Сверхчувственное сознание может пережить себя в «истинном Я», подобно тому как оно может переживать себя в эфирном и астральном телах.

Это «истинное Я» не порождается ясновидением⁴⁹; для каждой человеческой души оно существует в её глубинах. Сверхчувственное сознание лишь сознательно переживает то, что для каждой человеческой души является неосознанным, но что фактически принадлежит к её существу.

После физической смерти человек постепенно вживается в окружающий его духовный мир. В последнем существо его всплывает сначала с воспоминаниями из чувственного мира. Хотя человек и лишён здесь опоры физически-чувственного тела, он всё-таки может сознательно жить в этих воспоминаниях, ибо в них воплощаются соответствующие им живые мыслесущества, так что воспоминания не имеют больше того только теневого бытия, которое присуще им в физически-чувственном мире. И в определённый момент между смертью и новым рождением живые мыслесущества духовно-

⁴⁸ Gedankentaten

⁴⁹ Geistes-Anschauung

го окружения действуют так сильно, что тогда и без волевого импульса наступает описанное выше забвение. А вместе с этим начинается и жизнь в «истинном Я». Путём же укрепления душевной жизни ясновидческое сознание вызывает — но уже как свободное деяние духа — то, что является как бы естественным событием для переживания между смертью и рождением. Однако в пределах физически-чувственного переживания никогда не может явиться воспоминание о предшествовавших земных жизнях, если в этих земных жизнях представления не бывали направлены на духовный мир. Ведь всегда необходимо предварительно иметь знание о том, о чём впоследствии должно всплыть отчётливо узнаваемое воспоминание. Поэтому необходимо, чтобы человек сначала в земной жизни приобрёл знание о себе как о духовном существе, если он хочет по праву надеяться в будущей земной жизни вспомнить о предшествовавшей. Однако это знание о себе как о духовном существе может быть выработано и без ясновидения. Кто путём ясновидения достиг непосредственного знания о духовном мире, у того в земных жизнях, следующих за той, в которой он достиг этого знания, может выступить в душе воспоминание о предыдущей жизни подобно тому, как в чувственном бытии появляется воспоминание о чём-нибудь, пережитом самим человеком. Тот же, кто и без ясновидения, но *с пониманием* вникает в духовную науку, для того это воспоминание наступает таким образом, что его можно сравнить в чувственном бытии с воспоминанием о каком-нибудь событии, известном лишь по описанию.

Обзор некоторых частей предыдущего

Человек несёт в себе «истинное Я», принадлежащее к сверхдуховному миру. В чувственном мире это «истинное Я» как бы скрыто переживаниями мышления, чувствования и воления. Даже и в духовном мире человек может осознать это «истинное Я» лишь тогда, когда он изгладит в себе воспоминание обо всём, что может пережить через своё мышление, чувствование и воление. Из забвения пережитого в чувственном, элементарном и духовном мирах всплывает знание об «истинном Я».

Физически-чувственное тело человека раскрывается в своей истинной сущности, когда душа рассматривает его из сверхдуховного мира. Тогда оказывается, что оно получило свой первый зачаток в общемировом процессе во время состояния Сатурна, предшествовавшего солнечному состоянию Земли. Затем в течение солнечного, лунного и земного состояний оно развилось в то, что существует в настоящее время как физическое тело человека.

Согласно вышесказанному, всё существо человека в его целом схематически можно рассматривать следующим образом:

I. *Физическое тело в физически-чувственном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя как самостоятельное, обособленное существо («Я»). В своём первом зачатке это физическое тело образовалось из общего мирового бытия во время давно прошедшего сатурнического состояния Земли и, благодаря своему развитию в течение четырёх планетарных состояний⁵⁰ Земли, сделалось тем, что оно есть в настоящее время.

II. *Тонкое, эфирное тело в элементарном окружающем мире.* Через него человек познаёт себя как члена жизненного тела Земли. В своём первом зачатке оно образовалось из общего мирового бытия во время давно прошедшего солнечного состояния Земли и, благодаря своему развитию в течение трёх планетарных состояний Земли, сделалось тем, что оно есть в настоящее время.

III. *Астральное тело в духовном окружающем мире.* Благодаря ему человек является членом духовного мира. В этом теле находится «другая самость» человека, которая приводит себя к выражению в повторных земных жизнях.

IV. *«Истинное Я» в сверхдуховном окружающем мире.* В нём человек обретает себя как духовное существо даже тогда, когда подпадают забвению все переживания чувственного, элементарного и духовного миров, то есть все переживания внешних чувств, мышления, чувствования и воления.

⁵⁰ Verwandlungen

Замечания об отношении описанного в этой книге к представленному в моих «Теософии» и «Тайноведении»

Названия, которые должны выражать переживания человеческой души в элементарном и духовном мирах, приходится приспосабливать к особенностям этих переживаний. При подобном именовании необходимо принимать во внимание, что уже в элементарном мире переживание протекает совершенно иначе, нежели в мире чувственном. Оно основано на способности души к превращению и на наблюдении ею симпатий и антипатий. По необходимости наименования должны принять в себя нечто от изменчивости этих переживаний. Они не могут быть столь застывшими, какими они должны быть для чувственного мира. Кто не примет во внимание этого обстоятельства, связанного с самим существом дела, тот легко найдёт противоречие между наименованиями, данными в этой книге, и таковыми же в моих «Теософии» и «Тайноведении». Противоречие разрешится, если вспомнить, что в этих двух книгах названия выбраны так, что они характеризуют переживания души, присущие ей, с одной стороны, во время полного развития между рождением (зачатием) и смертью, а с другой стороны — между смертью и рождением. Здесь же названия даны применительно к переживаниям, которые имеет ясновидческое сознание, когда оно вступает в элементарный мир и в духовные области.

Из «Теософии» и «Тайноведения» можно узнать, что с наступлением смерти, вскоре после отделения от души физически-чувственного тела, от неё отделяется также и то тело, которое в данной книге названо эфирным. Затем душа живёт сначала в существе, которое здесь обозначено как астральное тело. Эфирное тело после своего отделения от души претерпевает изменения внутри элементарного мира. Оно переходит в существ, образующих этот элементарный мир. Душа человека уже не присутствует при этом превращении эфирного тела. Но зато она переживает после смерти события элементарного мира *как свой внешний мир*. Это переживание элементарного мира *извне* описано в «Теософии» и в «Тайноведении» как прохождение души через мир душ⁵¹. Таким образом, нужно себе представлять, что этот мир душ тождествен с тем, который в настоящей книге, с точки зрения сверхчувственного сознания, назван элементарным. — Когда затем душа, в промежутке между смертью и рождением, — в смысле описанного в моей «Теософии» — отделяется от своего астрального тела, она продолжает жить в существе, которое здесь обозначено как «истинное Я». Тогда астральное тело проходит через то, что было здесь охарактеризовано как «забвение», так что душа уже не присутствует больше при этом. Астральное тело как бы *ввергается*⁵² в мир, в котором нет ничего, что можно наблюдать внешними чувствами или что переживается так, как переживаются воление, чувство и мышление, развиваемые человеком в чувственном теле. Тогда душа, продолжая пребывать в «истинном Я», переживает этот мир *как свой внешний мир*. Если хотят охарактеризовать переживание в этом внешнем мире, то это можно сделать так, как было сделано в «Теософии» и в «Тайноведении» при описании прохождения через «область духа»⁵³. Тогда душа, переживая себя в «истинном Я», имеет в духовном мире *вокруг себя* то, что образовалось *в ней* во время чувственного бытия как её душевные переживания. В том мире, который здесь описан как мир живых мыслесуществ, душа между смертью и новым рождением находит всё то, что она сама

⁵¹ Seelenwelt

⁵² stürzt sich

⁵³ Geistgebiet

пережила во внутреннем бытии через восприятия органов чувств и через своё мышление, чувство и воление в чувственном бытии.

Послесловие к новому изданию 1918

Если душа хочет приобрести способность сознательно проникать в сверхчувственный мир, она должна сначала укрепить свои силы, развивая изнутри вонне деятельность, которая, по существу, заключается в образовании представлений. Но недостаточно осуществлять это с силой, которой обладает представление, развиваемое в обычном сознании, где оно присоединяется к чувственному восприятию и сопровождает его. Такому представлению присуща значительно меньшая интенсивность, чем восприятию. Упражняясь лишь с представлением, наделённым подобной силой, невозможно развить способность вхождения души в сверхчувственный мир. Необходимо довести его интенсивность, хотя оно и остаётся при этом лишь представлением, до интенсивности самого восприятия. Оно не должно оставаться лишь при ткани⁵⁴ тeneвых остаточных образов наглядного. Оно само должно сгуститься до наглядности, до образности. Нужно создавать живые *образы*. Но речь здесь не о том, чтобы задерживать силу души только на этих образах. Нужно отвести от них внимание и направить его на саму деятельность, создающую эти образы. Через это обретают себя во внутренне укреплённом самосознании; всё вновь и вновь повторяя это внутреннее душевное упражнение, можно также обнаружить — через недели, месяцы или даже более длительные промежутки времени, — что благодаря достижению определённой крепости самосознания человек уже вступил в связь со сверхчувственным миром. Вначале соприкосновение с ним переживается как нечто хаотичное, как это имеет место при обычных чувственных впечатлениях. Но постепенно из этого хаотичного формируется дифференцированный в себе объективный мир образов. Обнаруживается, что посредством упражнения на построение образов человек сделал себя способным к тому, чтобы внешняя духовная действительность с помощью его укреплённого самосознания⁵⁵ ткала образы, которые в своём проявлении представляют отображения объективного сверхчувственного мира. (Это — более точное описание опыта человеческой души, когда она на своём пути в духовный мир встречает состоящую из образов ткань, о чём говорилось на стр. 7 настоящей книги.) Благодаря тому, что стремящийся к сверхчувственному сознанию делает эти процессы наглядными в отчётливом внутреннем переживании, он имеет возможность безошибочно познавать в них действительность в области сверхчувственного и отличать её от всего лишь иллюзий склонной к заблуждениям фантазии.

На стр. 7 настоящей книги говорится о том, что *образы* сознания, впервые обретающего сверхчувственное переживание, «являются как бы завесой, которую душа ставит себе перед сверхчувственным миром, когда она чувствует, что последний коснулся её». Именно о подобной «завесе» необходимо кое-что сказать. Ибо вначале образы служат только для того, чтобы поднять собственное самосознание до сверхчувственного мира. Благодаря им человек чувствует *себя* духовным существом, но он ещё не прозревает сквозь них в объективный внешний сверхчувственный мир. Дело обстоит таким образом, как если бы человек в чувственном теле обладал глазами, которые он ощущает членами своего организма, но которые не просветлены⁵⁶, и поэтому внешний мир не

⁵⁴ Weben

⁵⁵ mit dem erstarkten Selbstbewußtsein

⁵⁶ nicht aufgehellt sind

может развернуть в них свою деятельность. Необходимо, чтобы сотканные в душе образы посредством постоянной работы над ними обрели в определённой степени духовную прозрачность. Они постепенно становятся таковыми через их собственное развитие. Они становятся такими, что человек их не видит, но только ощущает как бы живущими в душе, и через них воспринимает существенное в сверхчувственной действительности.

При вступлении в сверхчувственный мир одним из первых впечатлений от его восприятия является то, что благодаря возведенному в сверхчувственный мир самосознанию человек видит себя связанным с существами этого мира симпатиями и антипатиями (ср. стр. 26 и сл. настоящей книги). Уже благодаря этим переживаниям можно заметить, что также и в сфере представлений необходимо покинуть чувственный мир, если действительно хотят вступить в мир сверхчувственный. Созерцаемое в сверхчувственном мире вполне возможно описать посредством представлений, взятых из чувственного мира. Можно, к примеру, говорить о том, что некое существо как бы проявляет себя через цвет. Но тот, кто сталкивается с подобными описаниями сверхчувственных существ, никогда не должен упускать из виду, что именно подразумевает истинный духовный исследователь, ссылаясь на тот или иной цвет: он переживает нечто, что душевно испытывается им так же, как испытывалось бы восприятие соответствующего цвета через чувственное сознание. Тот, кто в своём описании сверхчувственного мира хочет передать, что он имел перед сознанием некоторое *подобие* чувственного цвета, тот отнюдь не духовный исследователь, а визионер или жертва галлюцинаций. Между тем, переживая симпатию или антипатию, действительно имеют перед собой первые сверхчувственные впечатления от восприятия сверхчувственного мира. — Есть люди, разочаровывающиеся как раз оттого, что духовный исследователь должен сказать им — когда он изъясняется с ними с помощью представлений, взятых из области чувственного переживания, — что он имел в виду лишь наглядную иллюстрацию увиденного им. Ведь такие люди, собственно, не стремятся к знакомству с отличающимся от чувственного сверхчувственным миром, а хотят признать *в качестве* сверхчувственного своего рода двойника чувственного мира; такое сверхчувственное должно быть тоньше, «эфирнее» чувственного, но в остальном не должно даже и претендовать на то, чтобы быть постигнутым через иные представления, чем чувственное. Но кто действительно хочет приблизиться к духовному миру, тот должен быть готовым к тому, чтобы освоить новые представления. Кто желает ограничиться лишь более размытой, туманной копией чувственного мира, тот не сможет постичь мир сверхчувственный.

Память⁵⁷, играющая исключительную роль в душевной жизни обычного сознания, не принимается в расчёт в качестве реализуемой человеческой способности при восприятии сверхчувственного мира. (Необходимо обратить на это внимание, чтобы не понять превратно сказанное на стр. 27 этой книги.) Человеческая душа обладает памятью при жизни в физическом мире, осуществляя в нём деятельность посредством своей телесной организации. Когда душа, поднимаясь в сверхчувственный мир, предстаёт перед существами и процессами этого мира, она не прибегает к способности воспоминания. Прежде всего она *созерцает* то, что выступает ей навстречу в этом мире, без того, чтобы какое-либо воспоминание задержалось в её впечатлениях, когда она снова погружается в тело. И всё же дело не обстоит только лишь так. Душа берёт с собой из переживаний в физическом мире *отголосок* способности воспоминания, и благодаря этому при сверхчувственном переживании она в состоянии знать: здесь, в духовном, я та же самая, что и там, в чувственном. Эта способность воспоминания ей необходима, потому

⁵⁷ Erinnerungskraft

что иначе она утратила бы цельность самосознания. Но кроме того, самосознание, поднявшееся в сверхчувственный мир, приобретает также способность так преобразовывать пережитые в этом мире впечатления, чтобы они оставляли в теле отпечатки того же рода, что и чувственные впечатления физического мира. Благодаря этому оказывается возможным то, что душа сохраняет своего рода воспоминание о пережитом в сверхчувственном. Иначе она всегда забывала бы об этом опыте. Но если впечатления физического мира воздействуют на человека таким образом, что он может позднее вспомнить о них благодаря тому, что они сами в нём вызвали, то в области сверхчувственного он должен совершить подобное действие с самими переживаниями, что позволит ему затем знать о них, пребывая в обычном сознании. В сверхчувственных переживаниях всё должно протекать при полном свете сознания. Однако у духовного исследователя возникают трудности, связанные с сохранением в памяти проведённых им в сверхчувственном мире наблюдений. Ему нелегко «прямо из памяти» рассказывать другим людям то, что он знает; он часто бывает вынужден, когда это от него требуется, восстановить в душе условия, при которых он проводил описываемые наблюдения, чтобы снова узреть увиденное, если он должен об этом высказаться.

Отношение пережитых в сверхчувственном образов и соответствующей им действительности (ср. стр. 30 настоящей книги) также не является столь же простым процессом, как отношение душевного впечатления к чувственному предмету или процессу. В сверхчувственном сознание должно полностью прозревать в эти отношения. Дело обстоит не так, как если бы имели перед собою стол. Вот стол стоит перед душой; что в ней самой при этом происходит — это вовсе не живёт в сознании или живёт в нём весьма завуалированно. При восприятии же сверхчувственного существа человек — даже если он вышеописанным способом сделал образ «прозрачным» — имеет в своём самосознании подобное ощущению⁵⁸ переживание этого образа. И благодаря именно тому, что он полностью погружается в это, подобное ощущению, переживание своим сверхчувственным сознанием, перед его душой выступает реальность, переживание которой можно и нужно очень чётко отличать от переживания образа. Эти переживания не должны растворяться друг в друге. Ибо это может стать источником иллюзий относительно того, что переживают.

⁵⁸ gefühlsartige

Данная публикация подготовлена силами редколлегии Библиотеки духовной науки — проекта, развивающегося из доброй воли участвующих в нём людей и тех, кто им помогает. Поддержка библиотеки будет существенной помощью в деле её развития, а значит и в деле развития самой Антропософии.

Свою лепту вы можете внести на странице
<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Donate>